

W 521.
221

Где Московского. Корнели
воспитаннику Виталию Постни-
кову за благосравне-
н и отличные усилья во
науках.

Nov. 27th

ЭБ

2007044043

ПОДАРОКЪ

ТОВАРИЩАМЪ,

или

ПЕРЕПИСКА

РУССКИХЪ СОЛДАТЪ

ВЪ 1812 ГОДУ,

ИЗДАННАЯ

РУССКИМЪ ИНВАЛИДОМЪ,

ИВАНОМЪ СЕОВЕЛЕВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

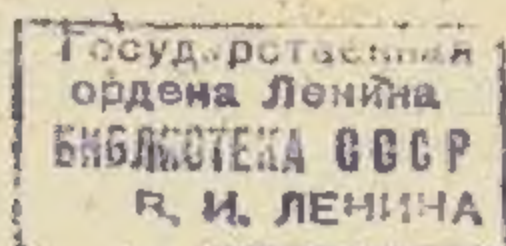
ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1 8 3 3.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ , чтобы , по напечатаніи , предста-
влены были въ Ценсурный Комитетъ три
экземпляра. Сѣвѣстпешербургъ , 27-го Мая
1833 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

75 331-47

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При вступленіи моемъ на поприще высокославнаго военнаго ремесла, какъ водилъся, ввѣренъ я былъ молодому, но опытному и спроному въ правилахъ службы солдашу, Кремневу, которъй, въ дополненіе ко многимъ украшавшимъ его достоинствамъ, зналъ грамотѣ, что въ старину между нижними чинами большою было рѣдкостью, но что, вмѣстѣ съ отличнымъ поведеніемъ, непосредственно сообщало Кремневу возможность съ успѣхомъ пріобрѣтать довѣренность старшихъ, любовь и уваженіе равныхъ.

Стараясь каждому по силѣ возможности услужить, Кремневъ былъ общее всей роты достояніе. Онъ даже и среди шрудной службы, при просьбахъ товарищей, не нѣскольку разъ перечитывалъ получаемыя ими отъ родныхъ письма, съ удовольствіемъ составлялъ отвѣты, и въ продолжкахъ сего рода въ ротѣ не было равнаго ему мастера, — что и не удивительно! Какъ малый смѣшливый, изъ ежедневныхъ бесѣдъ Кремневъ зналъ предшесивующую исторію каждаго героя новобранца; почему легко угадывалъ мѣру привязанности и спросилъ ихъ къ осиротѣвшимъ супругамъ, и никогда не ошибался, расшочая нѣж-

ности къ лицу вѣрныхъ и милыхъ сердцу дражайшихъ половинъ! Всѣ влюбленные были опъ него безъ памяти; не менѣе благодарными оставались и ревнивые. Кремневъ удачно, рѣшительно и вѣрно, по ихъ мнѣнію, ограничивалъ личное цѣломудріе заочною грозою; но пріобрѣтая такимъ образомъ средства господствовать надъ понятіями товарищей по сердечной экспедиціи, Кремневъ умѣлъ обращать оныя въ пользу службы: онъ назидалъ нравственность неопытныхъ, производилъ спасительное вліяніе на сомнительныхъ солдатъ, и успѣхи споль похвальныхъ трудовъ безъ мѣры восхищали добраго

Кремнева , всеобщаго рошнаго дядьку, какъ величали его всѣ безъ изъятія.

Не имѣя, кромѣ Всемогущаго Бога и мапушки службы, ни въ комъ рѣшишельно подпоры и покрову, какъ яспребѣ добычу ловить я полезные уроки, и Кремневъ при первой встрѣчѣ обратился мнѣ въ предметъ подражанія достойный; спараясь же всѣми способностями ума и сердца слѣдовать совѣщамъ, примѣрамъ и похвальному его поведенію, въ непродолжительномъ времени убѣдился я въ пользу избраннаго пуши полученнымъ мною чиномъ капрала, какъ плодомъ спасительныхъ наставленій Кремнева и бук-

вальной покорности моей къ благородной волѣ храбраго, умнаго Русскаго солдата, чѣмъ скрѣпилась вѣчная между нами дружба, и по сей часъ за священную мною признаваемая. —

Въ послѣдствіи обстоятельствъ службы разлучили меня съ Кремневымъ. Но въ вѣкъ нашъ, полный слезныхъ превращеній, громкихъ побѣдъ и блестящей славы, и самому дѣшному изъ людей, къ оружію способныхъ, трудно бы было избѣжать встрѣчи съ товарищемъ на кровавыхъ поляхъ битвы за честь и независимость роднаго края. Не за-долго предъ опечистивенной войной, славный Кремневъ, получа уволь-

ище отъ службы, женился, а въ 1812 году мы снова встрѣтились, и вмѣстѣ торжествовали съ другимъ всеобщій Европейскій праздникъ (*)! Отъ сего-то Крещева получены нѣкоторыя письма Русскихъ солдатъ въ числѣ нѣтъ мною издаваемыхъ, вмѣстѣ съ душевнымъ желаніемъ, чтобъ каждый, воспользовавшійся уроками моихъ героевъ, столь же щедро укладченъ бытъ всеблагимъ Провидѣніемъ, сколько опокровительствованы онымъ и Сочинители и Издапель.

Шышныя запыи нашему брату инвалиду не къ лицу, а слава сама

(*) Паденіе Наполеона.

собою, вмѣстѣ съ 1812-мъ годомъ, по закону булата, пороха и чести, безъ всякой церемоніи, неразлучная спутница до гроба всѣхъ служившихъ въ роковой годъ сей, причемъ: хлѣба съ брюхо, одѣжи съ пошу, мы и довольны, но чистая совѣсть, душа покойная, безмятежная, къ Престолу Вышняго Бога всечасно безъ препема предспалъ гошова, — вопъ верховное благо на клюку павшаго воша, къ Вѣрѣ, Тропу и Ошечеству священную обязанность безъ недоумки на чистопу выполнѣшаго, и горе, кто о драгоцѣнностей сѣхъ не думалъ въ свое время и кому въ часъ смер-

VIII

ни утѣшительныя чувства сіи чужды!

Наконецъ благосклоннѣйшую публичку, нѣжную мать и командиршу, покорнѣйше прошу простить недоспапкамъ, въ переписку Русскихъ солдатъ вкравшіеся. Цѣль изданія сего опиноется исключительно къ пользѣ солдатъ; писано оно солдатами, слѣдствено не на щегольскую руку! Впрочемъ стоить приказать: Русскій солдатъ ко всему способенъ, и все сдѣлаетъ за словомъ! Кому неизвѣстно, что у насъ, на святой Руси, во вновь сформированномъ полку, ровнехонько черезъ два мѣсяца является полный оркестръ полковой музыки, съ пыхимъ и

скорымъ маршамъ для развода, съ экосезомъ и мазуркою для бала, съ бычкомъ и казачкомъ для секретарской вечеринки, и виртуозы, славныя дѣти благословеннаго Сѣвера, съ незаросшею еще военною замѣткою, съ непрощеющею тоскою по роднѣ, кулакомъ слезы утираютъ, а лихо играютъ. Но ксшати скажемъ про повариху.

Имѣя десятишь уже вершковъ роста, питомецъ поля славы, унтеръ-офицеръ Скворцовъ, читалъ по складамъ, а буквами: *блаженъ мужъ, иже не иже на совѣтъ негестивыхъ*, писать по линѣйкамъ, но о дальнѣйшемъ себѣ просвѣщеніи не входило ему въ голову.

Х

Боже упаси! разсуждать о премудрости! штыкъ родимый! въ тебѣ слава моя молодецкая, думалъ онъ, и не ошибался; но всну- ня однажды въ должность фельд-фебеля, Скворцову пришлось по- дать упренною рапортничку Ше-фу, которую подписать своеручно къ довершенію ушлаго мастер-ства столь дурнымъ перомъ, что скромныя графы рошата чистот-ища, вмѣстѣ съ цифрами спря-тались за церковныя литеры, какъ флейщикъ за флаптовата гре-надера. Чья это подпись? — спро-силъ Генералъ, развернувъ рапор-тичку. „Моя собственная“ (у насъ не пожимались, — грамотку-то и мы схватили, ошвѣчал, думалъ про

себя мой герой,—по ошибся). „Послушай, братъ Скворцовъ; уговоръ лучше денегъ: не умѣлъ писать такому молодцу стыдно; при опличной службѣ ты могъ бы со временемъ сдѣлаться человѣкомъ, а сей въ тебѣ недостатковъ вѣчнымъ будетъ препятствіемъ, и потому, вотъ тебѣ мѣсяць сроку: чрезъ тридцать ровно дней, ты долженъ принести мнѣ рапортчикъ, рѣшительно всю своею рукою написанную, въ противномъ случаѣ галуны долой и сверхъ того... понимаешь?.....“—„Понимаю, Ваше Превосходительство,“ сказалъ Скворцовъ, и сдѣлавъ при поворотѣ на право-кругомъ (какъ водилось) пристуить такъ, что слыны

заговорили, явился къ Шефу въ назначенное время, съ возможностью написать рапортъ даже и самому Царю! Теперь этакъ Скворцовъ поестъ, какъ будто и вѣзправская пища, что такъ же вовсе не хитро: при благотворныхъ вліяніяхъ молодецкаго роднаго нашего климата успѣхъ зависить отъ доброй воли, желанія и трудовъ; даромъ ничего не дается: *толицыте и отверзется; просите, и дастся.* Но чтобы болѣе убѣдись въ способности Русскихъ солдатъ, молвимъ и еще про поварница, вмѣстѣ съ Скворцовымъ въ солдатскихъ казармахъ курсы наукъ проходившаго.

Въ 1812 году, послѣ знамени-

таго сраженія подъ Краснымъ, надобно было составить изъ Русской Арміи Русское извѣстіе. Кутузовъ, призвавъ къ себѣ Наспрутова (не задолго предъ тѣмъ штыкъ на шпату промѣнявшаго) приказалъ, чтобъ извѣстіе чрезъ двадцать четыре часа было готово. — „Смолуйте, Ваша Свѣтлость,“ возопилъ бѣдный Наспрутовъ, готовый въ испугъ утасать на колыні: „извѣстіе, самоучкою написанное, извѣстятъ всю Россію о невѣжествѣ Наспрутова, и оподчнутъ всѣхъ Императоровъ, которые передадутъ горькое имя чудака грядущимъ вѣкамъ!“ — „Ни слова больше!“ прервалъ Фельдмаршалъ: „ступай и пиши! Въ про-

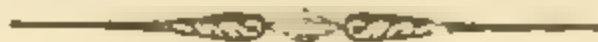
тивномъ случаѣ я заставаю тебя
 раскаиваться за упрямство, пони-
 маешь?...“—„Понимаю! но за не-
 правность Грамматикки, воля ва-
 ша, рѣшительно не отвѣчаю,“
 сказать сквозь слезы жалкій ав-
 торъ; не менѣе того чрезъ 24
 часа извѣстіе готово, безъ запя-
 тыхъ конечно, но въ этомъ са-
 моучку вшитъ не должно: ему
 нужны примѣры, а въ пользу
 Грамматикки ихъ нѣтъ въ Русской
 Арміи, которая съ безсмертнымъ
 другомъ славы, Суворовымъ (*),
 при знакахъ удивительныхъ, по
 безъ запятыхъ, и даже безъ во-

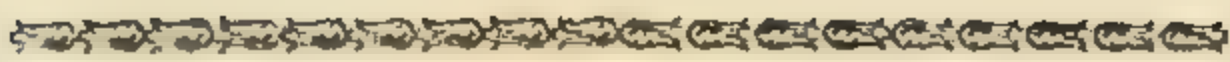
(*) Коснувшись священной памяти Суво-
 рова, не могу не вспомнить Крениева, ко-
 торый хваля однажды по-своему, вдохновен-

просительныхъ, перелетала рѣки, горы, доли и бездонныя пропасти, а съ башюшкою Бѣлымъ Царемъ своимъ, шагнула съ одною только почкою претпавія отъ Вильны до Парижа. Изъ какихъ же испочинковъ прикажете бѣдному самоучкѣ черпать грамматическіе уроки? Въ слѣдствіе чего покорнѣйше прошу всѣхъ храбрыхъ императорнаго поля выпязей за сочиненіе направлять удары прямо въ камешную грудь Издашеля, урода швалаида, а за

наго генія, незабвеннаго Полководца, сказалъ: «Суворовъ! драгоцѣнный подарокъ отъ Христа! онъ былъ свѣтлая, солдатская звезда! всю бы землю съѣлъ, которая покрываетъ Суворова, лишь бы ожилъ и вспорхнулъ орелъ нашъ поднебесный!»

грамматическія ошибки пускають
брайскутели въ типографію Ни-
колая Івановича Греча.

ПИСЬМО I.

КЪ ОТСТАВНОМУ СОЛДАТУ КРЕМНЕВУ,
ОТЪ СЛУЖАЩАГО РЯДОВАГО РУЧ-
КИНА.

Ты просишь, любезный товарищъ, чтобы я почаще увѣдомлялъ о себѣ, о сослуживцахъ нашихъ и о полковыхъ новостяхъ? Хотя, при трудной нынѣ службѣ, у меня времени очень мало, къ тому же, какъ ты знаешь, грамотѣй я плохой; но какъ наставнику, учителю и другу отказать? Крещусь и начинаю: придетъ-те по пушру? — скажешь спасибо; а не полюбился? — не осудишь и бранишь не станешь. Кто учился грамотѣ меньше, нежели, какъ говоришься, за мѣдныя деньги, для

шого слишкомъ довольно, если ошъ,
чѣмъ богашъ, шѣмъ и радъ!

Разсѣвавшись съ побою, не одинъ я
по тебѣ вздыхалъ, и вся рота горе-
вала: грустно ошвыкать и быть розно
съ дядькою, старымъ храбрымъ сол-
дапомъ, въ такое славное время! Ко-
сти твои, я чай, и ошъ дороги еще
не успокоились, а у насъ и пошла по-
тѣха, да какая? что лебу жарко! Куда
годишся вся твой 25-лѣшняя служба
и шесть ранъ? — Тебя свѣщомъ под-
чинвали въ чужихъ земляхъ, а шупъ
дѣло завязалось за нашу свяшую Русь!

Къ намъ пожаловалъ чернокижникъ
Бунапаршъ и привелъ съ собою незва-
ныхъ гостей изъ двадцати заморскихъ
Царствъ. Сила несмѣшная! видима и
невидима! плюнуть пѣкуды — коли
штыкомъ мѣстечка не очистишь!
Встрѣшя на границѣ, поздоровавшись

въ Витебскъ и еще кой-гдѣ слегка, всю эту проклятую сволочь обѣщали арміи, чуть не на плечахъ пощащали за собой къ Смоленску; заднимъ-де эшимъ нехристямъ карачунъ на своихъ родимыхъ поляхъ! — Да не пушью было: сила и соломѣ ломить! Стыдно, братель Даньичъ, сказать, а грѣхъ пошамъ: положили мы враговъ, чино и самъ каптенармусъ не сочтеть, но Смоленска не отстояли, и отступили къ Бородину, а пушью, какъ сонъ въ руку, пріѣхали надъ всеми войсками новый Главнокомандующій, которому бусурманы давно уже переспали стрѣлять въ грудь, полагая, что она у него каменная, начали мѣшкать въ черепъ; да много и взяли! У молодца пуля прошла чрезъ всю голову: одинъ глазъ чуть уцѣлѣлъ, другой вылетѣлъ, какъ воробей изъ гнѣзда! А онъ крикнулъ,

да и не поморщился! Угадать, чай? какъ
но узнашь Кушужева! ужъ подлинно
Русская, богатырская головушка, дай
Богъ доброе здоровье!

Теперь, братъ, Кремневъ, сталъ я
въ печь, и не придумаю, какъ бы тебѣ
рассказать Бородинское сраженіе? —
Сравнить право не съ чѣмъ: что на-
ши Сшары-лицы и рѣка Сшаржа (*)?
Все это въ подмѣшкѣ не годится: мы
бывало хвастали, что въ Швецію пе-
решли чрезъ море по льду — большая
диковина, если Русской солдатъ сдѣ-
лаешь то же, что сдѣлаешь и всякая
ворона! Нушъ, братъ! милости про-
симъ сюда съ колдуномъ-то поразвѣ-
дашься! Этошъ грѣховодникъ шакія
штуки выкидываетъ, что по не-
воль ушь за разумъ зайдешь! Не

(*) *Аустерлицы* и рѣка *Пассаржа*.

успѣешь одному Французу брюхо распорошь, а двое предъ тобою, какъ будто изъ земли выскочили! Но великое, брашъ, дѣло Крестъ Спасителя и свѣтлая отъ нечистыхъ силъ молитва! Какъ призовешь Господа въ помощь, какъ молвишь: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!» да какъ держишь: *впередъ!* такъ-что швоя и дьявольщина! Вся штука въ томъ, чтобы не оборачиваться къ непріятелю спиною. Боже сохрани! убьютъ — какъ пить дадутъ! а признаться, Даншыхъ, въ спихъ у Русскихъ сила что-то очень плоха; ужъ это мы и сами видимъ! Нашъ Полковникъ славно полкуетъ; онъ именно говоритъ, что при крещеніи рѣдкій Священникъ захочетъ коверкать младенца и мазать у него спинку свѣтымъ елеемъ, а онъ шого-дискать, задняя часть шѣла почти у

всѣхъ у насъ, отъ дьявольскаго навожденія беззащитна! Оно и правда: какъ начнешь дружно впередъ и назадъ двигаться одной только грудью къ бусурманамъ, шакъ и пойдешь дѣло на славу! Съ утра и до глубокой ночи работали мы безъ отдыха, и не сдѣлали назадъ шагу! Вдоволь было и горя и радости! — не разъ сердце кровью обливалось, глядя на нашихъ храбрыхъ командировъ: какъ снопики падали голубчики, а все впереди! Досталось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. — Пришло, братъ, время, что и Князья и Графы, и великіе Генералы и простые солдаты одну думу думаютъ и за одно дѣло умираютъ. Теперь скажи, не жалѣешь ли ты, что не вступишь съ нами? не видишь ли, что опоставкою на тебя Богъ гнѣвъ послалъ? или ты больше не Русскій солдатъ? или не хочешь

Кремневъ, который на славную смерть въ бою смотрѣлъ, какъ на свѣшый праздникъ, да и насъ учишь тому же! — Ишь, брашъ!... не вѣрю, не ша въ насъ кровь кипитъ! Ты помнишь письменный приказъ Полковника; я наизусть знаю: «Защитникъ Святой Вѣры, прона и драгоцѣннѣйшаго отечества, въ упробъ матери еще, по власти Провидѣнія, получаетъ сіе знаменіе и вмѣстѣ лѣсное назначеніе: онъ родился съ тѣмъ, чтобъ опразить врага, на святыню нашу посягающаго, или... умереть, и оставивъ добрый, честный солдатъ, по гласу отца-Царя и матери Россіи, положи въ сарай соху и косу, мгновенно долженъ явиться къ общему дѣлу, и раздѣлять горе, раздѣлять и радость, которая всегда бываетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ от-

личной службы, усердія и трудовъ благороднаго, блистательнаго воинства.

«Блаженни людіе, въдающіе восклицаніе! Господи, во свѣтъ лица Твоего пойдутъ и о имени Твоемъ возрадуются и правдою Твоею вознесутся.»

Вошъ, брашъ, какъ онъ рассказываетъ! а ему нельзя не вѣришь! Правду говоритъ баталіонный нашъ писарь (помнишь, что изъ подъячнихъ опредѣлился), что всякое наставленіе Полковника повѣрено, на справку внесено, и скрѣплено словомъ и дѣломъ.

П П С Ъ М О II.

Въ началѣ сраженія, Полковника ранили въ бокъ на вылетъ; человека четыре (не изъ пущихъ) подбѣжали было весши его на перевязку: «Впередъ!» закричалъ нашъ башюшка. «Мерзавецъ, кто будешь глядѣшь на мои раны; смотри на непріятели и не дѣлай промаху!» — Не прошло минуты — дошло до ручной, и Боже упаси, что пушъ было! Громъ, стукъ и шрескошыл. Ну сущій адъ кромѣшный! насъ попятели назадъ и попятели порядкомъ; да и заговорило же сердечушко, закинула Русская кровь! Полковникъ тотчасъ остерегъ: «береги... товарищи, сишу,» самъ въ ту жъ минушу, не смотря на рану, схвативъ ружье, юркнулъ прямо

къ непріятеллѣмъ, и всѣ офицеры сдѣла-
ли то же. «Впередъ, ребята, не робѣй!»
скомандовалъ фельдфебель 1-й гренадер-
ской роты; «грѣшно и стыдно, если
начальники уирутъ прежде насъ!» — «Мо-
лода, въ Саксоніи не была!» гаркнулъ
Щечиковъ: помнишь? нашъ ротный
балагуръ, ну ужъ балагуръ, да что за
сила? И намъ грѣшнымъ эти сухона-
рые Французики не очень казались
тяжелы, а у него они на штыкъ такъ
и пляшутъ въ присядку. Тотчасъ мы
опередили офицеровъ, и отъ живыхъ
совершенно очисти́ли передъ собою
поле; но изъ мертвыхъ можно бы
скласть костра три, сажени въ пять
каждый; однако жъ и мы не уцѣли́ли!
жалъ до смерти — славныхъ ребятъ
потеряли, и какъ изъ офицеровъ, такъ
и изъ насъ осталось не много поболье
половины. Убить, братъ, и толкъ Пра-

порщикъ, что при тебѣ еще прибылъ изъ Риги, и по-Русски не зналъ ни полслова; мы, бывало, шишкомъ посмѣивались надъ нимъ, а шутъ пришлось и вздохнуть: откуда рысь взялась! — такой былъ разудалой, дай Богъ царство небесное, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! — Нашему капральному Свистунову оторвало руку; вошъ, братъ, тоже дѣпила изъ молодыхъ, да ранній! Навѣсилъ на себя всю аммуницію, не оставилъ патрона, да и пошелъ назадъ съ обѣими руками: оторванную — то понесъ въ здоровой. «На что вамъ, Парамонъ Антоновичъ, эша рука?» спросилъ я его, — «Вѣдь небусурманамъ же ее оставить», отвѣчалъ онъ: «покажу лекарю: коли не годится, окурю ладанцомъ, зарою съ молитвою, да и ключъ ко дну.» Посреди самага развала какъ опшмал другъ у друга

Баштареи, дошло у насъ не только до
 шпыковъ, но и до свяшыхъ волосовъ,
 вдругъ въ рядахъ всей арміи пронеслось
 «ура! орелъ надъ нами (въ знакъ вѣрной
 побѣды), ура! Короля взяли: побѣда
 наша!»—Вѣсть эта насъ покуражила, и
 мы, съ примѣра главныхъ начальниковъ,
 которые, правду малю сказавъ, жизни
 не берегли, да шамъ только и были,
 гдѣ болѣе видѣли опасности, съ помо-
 щію молодецкой нашей гвардіи, не усну-
 вшей въ этотъ день въ работѣ и
 самому храбрѣйшему армейскому полку,
 такую задали бусурманамъ передрагу,
 что они и своихъ не узнали. «Ай же да
 Измайловцы! ай да Лишовцы!» говорилъ
 Полковникъ: «чеснь и слава вамъ, разу-
 далымъ добрымъ молодцамъ! знаешь-
 де урокъ дали они кавалерійской спе-
 си!» — Послѣ сказывали намъ, что
 Королемъ назвался простой Генералъ,

кошорый, выпуча глаза, словно блещы
объѣвшись, лѣзь на нашу башшарею
вмѣстѣ съ солдашами, да какъ попалъ
на Русской шшыкъ, такъ и пожало-
валъ себя въ Короли! Видно зналъ,
чортова кукла, что Русской солдашъ
скорѣ самъ умрешъ, чѣмъ поднимешъ
руку на державнаго, хопя бы онъ былъ
пзъ-за придевяти земель!

Съ первымъ пѣнухомъ все стихло,
тѣмнѣть кромѣшная, свѣту Божьяго
не видно, хопъ въ глазъ уколи! Наши
и чужіе покойники молчашъ, рапелыхъ
ощупью собирають и везушъ назадъ, а
мы, помолясь Господу Богу, присѣвъ
на корпышки, позакусили и горло про-
мочили. Скажу, братъ, не въ похвальбу,
что полкъ нашъ не уступилъ земли
ни одного аршина: гдѣ начали, тушъ
и кончили! Да что, Даницычъ, сказать
правду-машку: шопъ всегда поколо-

шишъ, кто стоишь грудью; на сншгу
плохая надежда, — что ни говори, а
Полковникъ правъ.

П И С Ь М О Ш.

Если бь начальники и не увѣряли, что побѣда наша, такъ на то у насъ были глаза, чшобъ видѣшь подѣвъ каждаго одного Русскаго покойника двухъ убитыхъ бусурмановъ; все Бородинское поле такъ уснула, что посмотришь ужасъ! море моремъ; вершка земли не осмалось, чшобъ не лежалъ человекъ, аммуниція, или чшобъ не было запекшейся крови. Жаль, братъ, что эти Французы нехристи и что они у чернокнижника въ лапахъ; а народъ, сказать правду, храбрый; какъ комары, такъ въ глаза и лѣзущъ; въ плечахъ-то полно не очень они широки, напура тоже заморская, а то не много бь мы у нихъ взяли; въ колоши злодѣи

идутъ на наши батареи подъ барабанъ, да еще и равняются! одинъ лишь упалъ, другой прыкнулъ и какъ ни въ чемъ не бывалъ. Нашъ Полковникъ ясно говоритъ: что трусъ не можешь быть честнымъ человекомъ; бываютъ-де и храбрые шалуны, но ужъ не мерзавцы! — Вышерши ружья, перемѣня кремни, поправля штыки и запасшись патронами, ожидали мы новой потасовки, — штъ-лихъ не такъ. «Сшановись!» сказалъ Канишанъ, вслушившій въ командованіе полкомъ, (за раною Полковника, который однако жъ въ Москву не уѣхалъ, и за смертью всѣхъ другихъ Шшабъ-офицеровъ) «по ондѣленіямъ на право маршъ!» Ты, чай, думаешь всередъ? Но нашему такъ бы и надо, но въ головѣ шарика Купузова было другое: мы пошли къ Москвѣ, а Боканаршъ вмѣстѣ съ нами съ похмѣлья пошлянулъ

ся, говорятъ, къ Смоленску. Экъ его ошунуло! наслу-де узналъ, колякали офицеры, какъ вкусны Вяземскіе наши пряники и Можайскія поросята!

«Вошъ досадное проклятое чертовское слово: рѣдька-рада (*)» сказалъ Капишанъ—«самъ сашана вздумалъ и вшюхтерцалъ его въ нашъ военный легкій-сонъ (**). *Впередъ!* или... въ могилу! да и кончено, къ чему тушь фиишинтъ, коли дѣло идетъ за Вѣру, Царя и Ошечество?»—«Да дѣлать ужъ нѣчего,» примолвилъ Поручикъ: «рѣдька-рада все таки къ чему нибудь годится; но гнуснѣе, вреднѣе для нравственности и прошивнѣе для слуха ничего придумать невозможно: мѣродѣра (***), (т. е. подлецъ, бѣглецъ): это чадо злобнаго ада,

(*) Репирада.

(**) Лексиконъ.

(***) Мародеръ.

и хотѣ рождено еще недавно, но ростешь и зрѣешь, какъ ищеническое тѣсто на опарѣ киснень.» — Вслушавшись въ рѣчь эшу, у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ. — «Эки люди есть на свѣтѣ!» подумалъ я: «ошеступишься ошѣ святой Вѣры и Божьяго храма, измѣнишь присягѣ, забышь, чѣмъ смерть не за горами, и что въ будущей жизни ошѣ преспола Господня за безбожный поступокъ міродѣру придется маршировать на вѣчную муку, въ бездонную бездну, а на семь свѣтѣ слышать на себя проклятіе, видѣть презрѣніе, бышь вѣчно въ безчестныхъ людяхъ и лишишься способу когда либо ворошиться на свою сторону, въ родную семью! Видно, сроду злодѣи не слыхали, что въ святой книгѣ сказано: *«Аще оставятъ сынове законъ мой и въ судьбахъ моихъ не пойдутъ, аще*

оправданія моя оскверняютъ и заповѣдей моихъ не сохраняютъ? постыщу же зломъ беззаконія ихъ и ранами неправды ихъ.» Спасибо, братъ Данилычъ, я вѣкъ не забуду твоего наставленія, и лучше умру сто разъ, нежели сдѣлаю назадъ одинъ только шагъ. И подлинно, кому изъ порядочныхъ людей придетъ охота быть (прости Господи) хуже дьявола, чѣмъ по справедливости почесать должно міродѣра. При тебѣ еще ихъ не было, и потому я въ слѣдующемъ письмѣ располкую:

П П С Ъ М О IV.

Вешарицу, всѣхъ негоднѣвъ, изъ сраженія удалившихся, обыкновенно, какъ ты знаешь, называли просто шрусами, поддѣцами, и били ихъ, злодѣвъ, не на живонѣ, а на смерти, изъ чего и выходило, что одинъ не смѣлъ навоспринѣ лыжи изъ сираха къ наказанію, а другой боялся прослышѣ поддѣцомъ, шрусомъ; вѣдь и на этихъ конькахъ не далеко уѣдешь! Ты помнишь, на зимнихъ кварширахъ въ Іѣурской Губерніи, какъ бывало, въ хоровахъ бабы и дѣвки чесали Пепруньку Мухомрова, услыша, что мы величали его шрусомъ за то, что неохотъ былъ порохъ нюхать, а изъ сраженія

подъ Герберхомъ (*) да въ стрѣлка. Теперь, вмѣсто подледа и шруса, стали называть ихъ міродѣрами, (съ чѣмъ вмѣстѣ и гроза примѣнно осовѣла); солдаты вѣдаютъ, что не хваляшъ, а браняшъ эшпмъ словомъ, до тѣхъ, кошорыхъ удерживалъ сшыцъ и срамъ, будто не понимая, о чемъ рѣчь идетъ, сшыдишья перестали. Да гдѣ же, правду скажешь, кто выдываетъ, чпобъ и заправскіе-то міродѣры сшыдишья? Они еще и чваняшья, какъ пацерушъ да навалашъ закрошъ, другой добраца, изъ мірскихъ шкуръ и крови, какъ концы съ концами сойдутся и какъ бѣда ужъ съ рукъ сойдеть!

Начальники дѣльно говорятъ: *стой*, ребяшя за святую Вѣру! Да вѣдь въ семьѣ не безъ урода. Богъ знаешъ, что у кого на душѣ: иной, кажпсь, молишья

(*) Гейльсбергомъ.

усердно, подь часъ гошовъ и лобъ разбишь, а поглядншь? добрые люди въ дѣло — а онъ въ шруцобу; а иной по языку-шо словно свяшой, а по шыпы-ку-шо, окалящый, такъ подгулль, что ни въ колье, ни въ мялье не годишся; шакъ дубинку-шо голубушку и по неволѣ вспомнишь. Не даромъ говоришся: коли солдатъ палки не боишся, ни въ строй, ни къ смотру не годишся; хорошихъ солдатъ, небось, бишь не сшануть; ихъ берегутъ, они вишь дороги и Царю и Царству. Куда какъ разсудителецъ на эшо нашъ Полковникъ! Пошли ему Богъ доброе здорье. У него не дремли! Правда, онъ разжуетъ, да и въ рошъ положишь, а шамъ ужъ не пенай: сама себя раба бьешъ, коль не чисшо жнешъ; да за шо, брашъ, въ нашемъ полку, благодаря Бога, ни сшарыхъ шрусовъ, ни новыхъ

міродѣровъ не слышно и не видно.
*«Настави мя, Господи на путь Твой
и пойду во истину Твоей, да возвеселится сердце мое боятися имени Твоего.»*

Въ рѣдъка-радѣ узнали мы, что неустрашимый нашъ Баграціонъ, славный Тучковъ съ братомъ, храбрый Кутайсовъ и до тридцати другихъ прочихъ Генераловъ, положили животъ свой за храмъ Пресвятыя Богородицы, за Царя и Ошечество, болѣе тысячи убито, слышь, однихъ только Штабъ и Оберъ-офицеровъ, а объ нашемъ братѣ и разговаривать нѣчего! Дорого заплащивъ, да бессмертную славу купили! Вотъ какъ толкуютъ наши командиры; а все таки горько со слагоу-то идти къ бѣлокаменной Москвѣ! Чай, побѣдъ нашихъ тамъ и не повѣрять! Полно — есть свидѣтели;

наканунъ сраженія пришло къ намъ Московское ополченіе; не успѣли поздороваться, а ихъ и на шпантахъ! Ты, чай, улыбнулся: воптъ — де воины, поди и фюзен зарядить не сумѣли! Нѣтъ, брава — не такъ! Народъ все разудалой, полированный и кровь прямо Русская; артикуломъ занимались мало, а ружьемъ владѣть мастера; нужда заставитъ калачъ ѣсть: добрая воля, военный духъ, усердіе къ батюшкѣ Царю, да любовь къ родимой споро-нучкѣ (какъ говорятъ нашъ Полковникъ) всему научатъ; къ тому же командиры у нихъ все изъ ошставныхъ, съ порохомъ давно знакомы, и хоптъломъ стары, да душою-шо молоды; говорятъ словно пишутъ, слушать любо; да чшо полковашъ, и изъ нихъ не много ошталось, такъ видно не издали смотрѣли, но вмѣстѣ съ нами

щупали Французскую-то нашуру; а
 вошь какъ пораскажутъ про Пяшер-
 ское ополченіе, такъ и старыхъ сол-
 датъ за поясъ заткнутъ, настоящіе
 звѣри! Наконецъ, скажу тебѣ однимъ
 словомъ: что у насъ подъ Бородинымъ
 такая была потѣха, что у самого
 чорта, чай, шлелась борода; лѣсъ пѣлъ
 и вода говорила!

П И С Ь М О V.

Не прогнѣвайся, бранъ Данилычъ! что не пишу о пачальникахъ и о товарищахъ поименно; кромѣ того, что время не позволяетъ, боюсь, чтобы похваля хорошаго одного, не забыть лучшаго другаго; а какъ письмо-то попадетъ въ руки кому нибудь изъ послѣднихъ, такъ мнѣ и неловко; дурное слово грѣхъ сказать: были такіе, что впередъ не забѣгали, но не было такихъ, чтобы позади осматривались: ужъ не даромъ, бранъ, и наши и непріятельскія пушки изъ рукъ въ руки перелетали, какъ на Свяпую недѣлю красныя яйца, только поцѣлуй-то были кислы... Въдъ у господъ чупнѣе хорошее, да и воля-ша есть: какъ за-

слышала сѣрка волка, такъ и дала тягу; кпо, знашь, на себя не понадѣлся, шопъ по добру, да по здорову заблаго- временно до войны убрался во-своеи; да и шамъ, чай, въ кичку нарядился! и вѣдомо: ужъ лучше оборотиться въ бабу, да воевать на посидѣлкахъ, чѣмъ онъ сѣраха самому изнывать и дру- гихъ баламушить. Ты, чай, не забылъ офицера Сундукова, чпо прибылъ къ намъ въ Пруссію въ Брашаншанной (*), когда мы приходили въ главную квар- тиру въ караулъ изъ Лагунова (**); прѣхалъ пострѣлъ въ коляскѣ съ ла- келми, съ поварами, — словно спол- бовой! а родимой-шо его не изъ пу- щихъ, какъ говорятъ землякъ, да еще и сродни вишь ему нашъ цирюльникъ,

(*) Бармштейнъ.

(**) Лаунау.

Перепекинь; сперва-де былъ цѣловаль-
никомъ, потомъ, по милости полугар-
наго вина съ цѣльной водицей, шаг-
нулъ въ повѣренныя; потомъ, уволю со-
вѣсть въ безсрочный отпускъ, покатъ
въ откупщики, а теперь-де посча-
сливилось ему свести счеты съ чу-
жими и родными по откупамъ това-
рищами, такъ, что нѣ пошли по кре-
щеному міру съ копейками, а онъ выи-
скался въ бары! Экой соколъ! Русской
грамотѣ чуть знать, а сына и гово-
рить по-Русски не учить! Въдь сло-
вечка Христіанскаго мы онъ него не
слыхали, а по-заморски бормотать
былъ охочъ; часто и при солдатахъ,
какъ будто нарочно, такъ и горлачить
не даровое! Послушаешь, послушаешь,
бывало, ошворонишься, да и плюнешь;
а какъ закалякали про войну, какъ ста-
ло приходиться къ сердцу, выскочить

проклятый въ опсшавку, да и удрасть къ ошцу! Теперь, чай, эшощь храбрець и въ пошеву нарядился!

Не знаю, какъ ты, Данцычъ, а я иное мѣсто болѣе посержусь на экихъ чудаковъ, а подѣ часъ и пожалѣю! Вѣдь они не виновашы, чшо Богъ не дасть имъ ума, да и на косточкахъ они вѣдь не учились; пудя-шо много, много, чшо съ воробьиное личко, самая большая дѣвѣшь золошниковъ, а имъ вишь она гора горою кажется! Безмозглыя головы! чшо и говоришь!

«Ѣшо знаешь, уѣхалъ ли Сундуковъ?» спросилъ Полковникъ при разводѣ. Сейчас только ошибылъ, доложили ему. «Вотъ пошризомъ (*)! чшоѣ ему ни дна, ни покрышки: съ шого времени, какъ война не есть уже секретъ, я

(*) Патриотъ.

получилъ двѣнадцать человѣкъ благороднѣйшихъ товарищей изъ отпущавки, а одного негодяя отпустилъ домой. Слава Богу, что честь и польза очевидно на сторонѣ службы; впрочемъ, это также не секретъ, что изъ такихъ вонючихъ матеріаловъ, изъ какихъ составленъ Суцдуковъ, ничего рѣшительно хорошаго ожидать нельзя!»

Помолись за насъ грѣшныхъ: идемъ къ Москвѣ, а непріятель по плшамъ; пальба дено и ночно гудитъ; задніе сторожевые полки, конные и пѣшіе, дерутся за каждую борозду; въ этихъ полкахъ два Полковника безпардонные, какъ говорятъ казаки, Пошемкинъ, да Карпенковъ боль всѣхъ оплечаютел; заманишь бусурмановъ въ силки, да и дадутъ карачуть! А мы двигаемся, не шоропимся, и сбираемся съ силами. Чшо-то Богъ дастъ? а Москва не да-

леко! Заваримъ, чай, кашу, что и въ
рошъ не пользешъ! Прощай! шочимъ
штыки, въ Бородинъ пришупившіеся. —
*«Заступникъ мой еси и прибъжище
мое Богъ мой, и уповаю на Него.»*

П П С Ъ М О VI.

Къ слезамъ, любезный товарищъ! плачь, Кремневъ, если можешь! А у меня и на глазахъ и подъ глазами совершенная засуха; я выплакать всё мои слезы и хотѣлъ бы выплакать всю кровь до послѣдней капли, если злобный рокъ не судитъ пролишь за святое дѣло! Боже милосердый! до какого сраму, до какого безчестія велѣлъ Ты намъ дослужиться? На храбрость и вѣрность нашу начальники не роптали: грудь наша шверда еще, какъ камень; въ рукахъ сила есть, на могучихъ плечахъ несемъ голову не прострѣленную, и кровь кипѣтъ еще не прешала, а Москва, престольный градъ, гдѣ сорокъ сороковъ Божіихъ

храмовъ, и гдѣ, въ смиреннѣхъ монастыряхъ, опочивають мощи Свяшыхъ Угодниковъ, Москва, мать (какъ называютъ офицеры) всѣхъ городовъ Русскихъ, ошдаеся во власъ врага, нехриста, черножильника! Тошно, братъ Данилычъ! грустно; свѣтъ бѣлый опосылать и жизнь пыжка, самъ себя ненавижу и часто самъ себя и товарищей спрашиваю: неужели мы все еще Русскіе? Исповѣдуюсь тебѣ: сблудилъ окаянный, принялъ на душу тяжкій грѣхъ; не разъ просилъ у Бога скорой смерти; съ нами сила крестная! Вошъ худо, которому и во снѣ бы не повѣрилъ, а оно въ очахъ совершилось.

Наканунъ еще сего горького дня (2 Сентября 1812 года, — нарочно узналъ годъ, мѣсяцъ и число), всѣ главные начальники взадъ и впередъ такъ и спуютъ основу, солдаты наряжены,

(теперь ужъ видно, что для близору) (*) двѣнадцать баттарей; бывало всѣ большіе и малые командиры османириваютъ, размѣряютъ, хлопчуютъ, а тутъ и взглянуть никто не хочетъ! Ну вѣдь всѣ ужъ Генералы примелькались! Въ каждый день видишь ихъ, и не по одному разу; теперь гляжу: у кого было круглое лицо, выпянулось на аршинъ; у кого длинное, сложилось въ комокъ. Ужъ видно сокола по полѣшу: за кѣмъ грѣхъ есть, кто душонкою то слабеетъ, и кто во время драки, забившись въ безопасное мѣстечко при нѣжности душевной (и, знаешь, отъ скуки), ловишь и душишь бѣдныхъ мухъ, шакихъ мы — вѣдаемъ на перечень; а эти люди, какъ извѣстно, не трусливые, отъ чего же ихъ такъ пере-

(*) Слово, солдатами употребляемое.

коверкало? думалъ я: по этому на ду-
шѣ у меня больно залегло; всѣ това-
рищи тоже примѣнили и также при-
задумались; тяжкое, невѣдомое горе
разлилось повсюду, и на бивакахъ та-
кая сдѣлалась тишь, что шаги муравья
слышны; у cadaго сердце чуло что-
то не доброе, но какъ можно было
догадаться, что въ какомъ-то воен-
номъ, видишь, Совѣтѣ положено сдать
родимую Москву безъ драки и вы-
стрѣла! Теперь всѣ ушѣшаютъ себя
и толкуютъ, какъ въ набашѣ бьютъ:
что Москва гробъ бусурмапамъ! Пусть
оно и такъ; да передъ Москвой-то
должна быть наша могила; вошѣ-те и
все пущѣ! Ты помнишь, въ Пруссіи,
или въ Чухляндіи (*), бывало и чужую
деревню опдаешь, такъ опѣ сшѣда

(*) Въ Финляндіи.

не знаешь, куда дѣться, а теперь —
впустили злодѣя въ Москву! Охъ! брашъ,
товарищъ! Не разъ я о тебѣ вспо-
мнилъ; ты, бывало, часто намъ говари-
валъ: что солдатская жизнь красна
честью и славою; теперь и самъ я
вижу, что безъ чести и безъ славы
солдатъ хуже бабы! Прощай! не могу
болѣе писать; для руки моей и перо
тяжело!

П П С Ъ М О VII.

Виновашъ, Данилычъ, я было слишкомъ уже разгрусился и осовѣлъ! — Но пріосамился, вспомнилъ, какъ покойница мать моя, кошорая, какъ тебѣ извѣстно, знала церковную грамошу и чинила Псалтырь наизусть, отдавала меня въ службу, приказывала:

«Исполни, Цвапушка,» говорила она: «свято Христову Вѣру; не измѣни не только присягѣ, но и честному слову; люби всѣмъ сердцемъ и всею душою Бога и Помазанника Его, Государя; думай объ Отечествѣ болѣе, нежели о своихъ собственныхъ выгодахъ; за честь и правду умри! — будешь тебѣ хорошо, не чванься — да не слишкомъ и радуйся! будешь дурно, тер-

ни и не ропщи! — Радость съ горестію всегда рядомъ ѣздить, а часто и на одной телегѣ. Не забудь, что человекъ въ несчастіѣ только и великъ! а при счастіѣ, соловьемъ поѣшь и куликъ! — Не соблазняйся и не зарься, видя, что у кого есть кошель серебромъ набитый, тому опивѣниваютъ поклоны и стриженный и бритый; богатъ пошъ, кпо милость къ нему Господа Бога безъ хвастовства, скромно и благоразумно раздѣляецъ со спраж-
дущимъ, бѣднымъ, несчастнымъ человекомъ и умѣетъ во время утереть слезы безпомощнымъ сиротамъ. Смотри на солнце! — видишь? оно и само блестяще и насъ грѣетъ! — Знай же впередъ: что если богатъ для того только живетъ на бѣломъ свѣтѣ, чтобъ пѣтушился и хорохоришься, а другаго проку отъ него нѣтъ, такъ

онъ ни святому свѣча, ни чорту ко-
чурга. Чему же завидовать? всѣ мы
подъ Богомъ! — Что на небѣ написа-
но, то съ нами и спаленся! какъ ни
вернешь, какъ ни выляй, куда ни ки-
дайся, а изъ Божіей книги той строч-
ки, въ которой опредѣлена участь
швоя, не вычеркнешь! Нагрѣшишь
можешь, а добра не сдѣлаешь; старай-
ся быть полезнымъ, не завидуй счастію
товарищей; безъ толку къ дѣлу не
суйся; къ чему не способешь, за то
не берись; чужими руками жаръ не за-
гребай, и мишуру за золото не выда-
вай! На моемъ вѣку много было (и на
твоемъ, чай, будетъ), что безграмот-
ныя копѣечныя головы и говорѣз-
цы міровды вширались въ земскіе; — они
козыремъ ходили, а міръ слёзы лилъ!
Но какъ Царевичъ ихъ пораскусилъ —
накъ шумъ имъ поганцамъ пришлось

пошиѣ перечосу, Гласъ Бога гласъ народа! дурную славу зажиши, какъ пиши попросишь; въ хорошію люди попасть — не сктрѣдку скласишь; много знать полезно, и говоришь не бѣда, лишь бы по резону; но слово не воробей! чпо глупо и вредно сболтаешь — не поймаетъ! а всякой въ избѣ вздоръ слушаетъ весь дворъ. Помни, чпо земной бытъ не конецъ житью; вся важность въ будущемъ мѣрѣ. Дѣлай запасъ для Суда Спрашнаго: въ небесахъ прямое наше счастье, Бога обмануть нельзя, Иванушка! Опъ все видишь, все слышишь. Если пойдешь прямымъ, добродѣтельнымъ путемъ, можешь встрѣтити горе, за то спраху знашь не будешь; а какъ я обрекла тебя въ солдаты, то бытъ можешь, чпо голубчику сынку моему придется показать себя и въ башалѣхъ, Въ огонь

иди смѣло, жизни не береги, это Божье, а не твое дѣло! Спасай другихъ — коли придется кстапи, но не спасайся самъ иначе, какъ штыкомъ и грудью — сохрани, Господи! лихо прослышь трусомъ, а шамъ ввѣкъ свой не опсмывешься! Взглянь-ка на Желтоухова: и въ опсшавкѣ пегодному мѣста нѣтъ. Срамъ слушать, какъ его коспятъ и старый и малый! А Релинъ? человекъ кажись умный, но проштыкнулся, сберднулъ и на пиры, сердечный, не ходитъ, зашѣмъ, что ужъ Богъ знаетъ съ коихъ поръ, простую брагу ему рядомъ съ другими подаютъ, а сыченою обносятъ; вчужѣ за бѣднягу сердце замраетъ. Слушайся начальниковъ слѣпо; иди и въ воду, коли велитъ; чему бышь, того не миновать! Предѣлъ положи еси, его же не преjdeши; если ушопутъ тебѣ назначено — ушопешь

и въ лужѣ. Чаще читай десять заповѣдей; десница Бога ихъ написала. Многіе изъ людей пишунтъ складѣе, но никто еще не выдумалъ справедливейше и умнѣе! Почитай старшихъ, будь вѣжливъ съ младшими, на вздоръ не накупайся, въ ссоры не заѣдайся; гдѣ міръ да ладъ, тамъ вѣчно Божья благодать; съ обидой ближнему не шуни; не плюй въ колодезь, неровно годѣлся водицы испить.

«Не забудешь ты моего наставленія, будешь милымъ другомъ моимъ и будешь съ тобою мое родительское благословеніе; а не исполнишь моего приказу — прокляну! — Не буду знать, и имени твоего не захочу слышать! Милость же Господня отъ вѣка и до вѣка на боящихся Его, и правда Его на сынѣхъ сыновъ, хранящихъ заветъ сего и помнящихъ заповѣди Его!»

Съ симъ послѣднимъ словомъ, возложила на меня роднаго образъ Св. Іоанна Предтечи, вѣлила мнѣ шесть горячихъ материнскихъ поцѣлуевъ, вручила шестьдесятъ копѣекъ наличныхъ денегъ, и я, отпѣлся кормилицѣ земной поклонъ, свиснулъ, да и былъ таковъ!

Прочтя всѣ эти слова, крѣпко на крѣпко въ сердце мое вписанныя, и убоясь проклятія, вмѣсто того, чтобъ рюмить по прежнему, заплъ я съ горя нѣсню: «Эхъ! не все-то намъ прилакать, не все намъ прищужить!» II подумно: жаль, что и говоришь, Москвы, но вѣдь вожакаго-то нашего для чего нибудь Богъ спасъ. Вѣдь эки дѣла даромъ не дѣлаются! пролетѣла пудя изъ виска въ високъ, а онъ... какъ всшрепаной, Христосъ съ нимъ! Потерялъ Москву и всю Россію нашлись бы люди и безъ него! на эво

дѣю и меня бы хващю; но не этимъ, кажись (калякающъ умные люди), должно вознаградиться богатырское терпѣніе и великодушныя жертвы нашего батюшки Царя, да пусть думаютъ и говорятъ, кто какъ хочетъ, а въ Священномъ Писаніи именно сказано: *Вознесохъ избраннаго отъ людей моихъ, елеемъ святымъ моимъ помазахъ его, и мышца моя укрѣпитъ его! Никто же успѣетъ врагъ на него и сынъ беззаконія не приложитъ озлобити его, и ссѣку отъ лица его враги его, и ненавидящіе его побѣжду, истина моя, и милость моя съ нимъ.»* Ну теперь ломай, пожалуй, голову; кому придетъ охота надувать мыльные пузыри!

И П С Ъ М О VIII.

Не буду рассказывать тебѣ, какъ разставались мы съ машушкой бло-каменной Москвой; проходя родную, не чувствовалъ я себя, не видалъ Божьяго свѣта, и не прежде опомнися, какъ услышалъ команду: «сшой! на лѣво кругомъ, кивера долой, на колѣни!» Полковникъ на дрожкахъ, всегда за нами слѣдующій, былъ въ это время посре-ди полка, и началась молитва:

«Господи Боже Силь! кто подобенъ Тебѣ! Силенъ еси, Господи, и истина Твоя окрестъ Тебя. Узри, Господи! праведнымъ горемъ пораженные сердца наши. Услыши усердную, слезную молитву недостойныхъ рабовъ Твоихъ, съ Христіанскою покорностію

крестъ пріемлющихъ, и лучше прекра-
ши жизнь, какъ щедрый даръ неизре-
ченнаго милосердія Твоего, но сохра-
ни свящую Вѣру нашу, Царя и Опе-
чество; *яви намъ, Господи, милость
Твою и спасеніе Твое даждь намъ.*»

Не было ни одного солдата, кото-
рый бы не рыдалъ, даже и Бахтіа-
ровъ съ Сулеймановымъ (*) обливался
слезами. Полковникъ, оборотясь къ
намъ, продолжалъ:

«Товарищи! это небо и эта земля
болѣе не наши; и доколь въ свѣтлыхъ
(указывая на Москву) пошеранныхъ
нами храмахъ, служители Вѣры не
запоютъ: Тебе Бога хвалимъ! мы, какъ
блуждающія тѣни, будемъ полною оси-
рошѣвшихъ изгнанниковъ. Но тѣмъ
менѣе мы должны унывать и пѣмъ бо-

(*) Магомедъ.

а́же священная обязанность наша не
 думать о жизни, бодрствовать и тру-
 диться, зная, что вся надежда Госу-
 даря Императора, а вмѣстѣ и страж-
 дущихъ соотчичей нашихъ, обращена,
 послѣ Бога, на насъ единственно; те-
 перь настали минуны, въ которыхъ
 вы имѣете случай разительнѣе дока-
 зать мнѣ, что отеческое объ васъ
 попеченіе и недремлемая, спаситель-
 ная забота мои за правдивостію,
 поступками и поведеніемъ вашимъ,
 произвели полезныя службъ плоды;
 важнѣе всего поминше, что рано или
 поздно, а умереть все таки подобно,
 но что за падшаго въ бою при защи-
 тѣ святой Вѣры Царя Царей, Всемо-
 гущаго Бога, изъ вѣка въ вѣкъ молитъ
 священная Церковь, а пріятнѣе и драго-
 цѣннѣе сей награды прямой человекъ,
 истинный Христіанинъ подъ луною —

не сыщешь и искашь не будешь. Меня же въ дополненіе льстятъ и то еще, что вы оправдаете знаменитое званіе Русскаго солдата, и что слава нашего полка промчится отъ Шмана до Камчатки!»

— «Вы всегда были отцемъ нашимъ,» закричали мы въ одинъ голосъ: «и какъ отца роднаго мы любимъ васъ: прикажите! мы сей часъ на смерть готовы.» — «Спасибо, друзья мои,» сказать сквозь слезы Полковникъ, — «за благородныя чувствованія ваши; побережемъ жизнь на гибель супостатовъ; маршъ съ Христомъ!» Сдѣлавъ еще разъ земной поклонъ Божіимъ церквамъ, и взглянувъ съ тяжкимъ вздохомъ на золотыя маковки, кошорыя, какъ будто уже и пошевелили, пошли мы по Рязанской дорогѣ.

Московскіе жители теперь только

догадавшиися, что войска защищать ихъ не будутъ, увидя бѣду неминуемую — кто во что гораздъ и кто въ чемъ попалъ, пустились, родные, куда глаза глядятъ.

Насмотрѣлись, бражки, мы на разные чудеса; видѣли такой сумбуръ, что и во снѣ не пригрѣзился. Здѣсь бары попали на просшую телѣгу, запряженную въ одну лошадь; ей не въ могошу, — а господа и погоняютъ и пособляютъ! Тамъ полупьяные лакеи, ввалиясь въ карету, на лихомъ шестерикѣ несущая, что пыль столбомъ! Тамъ, и родными и чужими осмавленная, бѣдная барыня, выходя изъ Москвы съ кучею дѣшей, въ суматохѣ какъ-то потеряла маленькаго сына, кричитъ, рветъ на себѣ волосы; но кто увидитъ или услышитъ бѣдную? а тамъ — деревенскій мужикъ (дворникъ), уложивъ чиниёхонько

въ мѣшечекъ малюшную осиротѣвшую свою барышню, забытую и невѣжными вѣлюшками и жирными мамушками, спасая кровь покойныхъ господъ, до гробовой доски остаешся имъ вѣрнымъ. Но всего не расскажешь: у себя сердце Русское, такъ оно и безъ того догадается, что истинному Христіанину идешь на умъ, когда обшая бѣда призываетъ его къ услугѣ во время.

Теперь дѣло прошлое, а бышь бы бѣдъ и того хуже, если бы всѣ солдаты и Московскіе жители наканунѣ знали, что столица обречена, какъ слабый ягненокъ голодному волку! Приказъ-то вѣдь бытъ, что войска идутъ въ обходъ на Звенигородку, чинобъ чихнуть непріятелю въ запылокъ; солдаты крѣпко пошумукивали, какъ вышли на Рязанскую дорогу! Обманъ-де, рейдъ-

та, насъ морочашъ : не порадуемъ-де мы сердца Царева, что сами уцѣлѣемъ, а Москву отдадимъ! Въ иныхъ полкахъ и больно было межъ собой заговориши, а на ту пору — какъ снѣгъ на голову, самъ Главнокомандующій съ однимъ Адъютантомъ, да съ однимъ ординарцемъ. «Здорово, ребята!» сказалъ старикъ (приказавъ османившись). «Спасибо вамъ, друзья, за храброе, вѣрную службу! Не шутите, товарищи! Москва не Россія, не въ каменныхъ палахахъ наша защита, покой и счастье; еще Русскій Богъ не оставилъ насъ; кровь въ жилахъ не засыхла, и грудь опъ сѣй жершвы окрѣпла боль прежняго; горевашъ, плакашъ и даже умереть всегда будешъ время; а теперь попробуемъ, съ помощію Бога Всемогущаго, шакъ уподчивашъ незваныхъ гостей, чибъ впередъ не пошли, да и назадъ

не ворошнись. Маршь съ Христомъ!»
— Ну ужъ тушь, брагъ, не только
говорить, да и думать было не о чемъ.

Богъ испытуетъ насъ грѣшныхъ,
и да будешь Его святая воля, а что
любо, то любо; ужъ это, брагъ, прямо
по-нашему... по-Русски! Отъ самаго
Смоленска, какъ сила наша шла и
бары наши ѣхали и мужики съ семья-
ми шли, кто по большой, кто по про-
селочной; кто зналъ, куда Христось
несетъ, кто плелся, куда глаза гля-
дять, только дома никого не осмался,
и заморская разношерстная сволочь,
что съ собой несла, шѣмъ себя и под-
чивала. — Здѣсь, видно, не въ Нѣме-
чии — биръ-супу нѣ-ма! Это-де дере-
венщина, думалъ Бонапарть; они-де
настращены, боятся меня — отъ то-
го и бѣгутъ, но въ Москвѣ встрѣ-
шилъ и честь опдадутъ; войску мое-

му будетъ лафа, а я-де съ банкета на банкеть, вшь не хочу!—Держи, брашъ, карманъ! тебя и въ Пруссіи-то любили, какъ собака палку, а въ Россіи и чума была бы краше; онъ лишъ къ заснавъ, а шуть голо; онъ въ Москву, а шуть синё; онъ въ Крёмль, а шуть пущо!—«Да гдѣ жъ паны и жишли?» спросилъ онъ. — «Провожаютъ Кушусова,» сказали ему.— «Когда же они воротятся? — «На проводы: когда вздумашь ийти, ошкуда пришелъ!»

И И С Ь М О IX.

Ну, братъ Дашлычъ, первую-шо чарочку послѣ тяжкаго труда поднесли мы бусурманамъ не очень по вкусу! Вѣдь я говорилъ, что старикъ Кушуровъ не даромъ живетъ на бѣломъ свѣтѣ: ужъ какъ онъ ихъ разубѣдилъ! Оставя Москву, мы, какъ ты знаешь, поплыли по Рязанской дорогѣ, а Французы за нами; вотъ день и другой, а тамъ, нушко-де попробую, сказалъ Кушуровъ: мастеръ ли Бонапарть играть въ бѣлюкиши! Велѣлъ сторожевымъ подкамъ идти на Коломну, да и хватали съ нами на Калужскій трактиръ: Французы прямо, а мы въ сторону, и сдѣлались сзади! Умора, да и только! а шутъ откуда взя-

лишь набздишки и ну его шрепань! и такъ и сякъ, и съ боковъ и съ зашыбка! Покуда онъ догадался, покуда вѣрошился въ Москву, а тысченокъ приццать колдуиятъ своихъ, говорятъ, не досчитался. Скушалъ, сударикъ, Коломенскій калачъ, только чорствый, съ закальцемъ. Да какъ же, говорятъ, осерчалъ! потчасъ велѣлъ ловишь, разстрѣливать и вѣшать всѣхъ осмѣвшихся въ Москвѣ Русскихъ. Они-де Москву жгутъ! Вишь, къ чему привязался! Вишь выискался какой благодѣтель, вступается, какъ будто за свою столицу! А Москва и впрямь загорѣлась: теперь зарево страшное; вся матушка, какъ свѣчка теплился. Охъ! братъ Премисевъ! опять пошнехонько; кажись, не пойдетъ намъ и кусокъ въ горло, покуда не зальемъ этого пожара бусурманскою кровью! А кто

Москву зажегъ, не наше дѣло; то только вѣрно, что безъ нихъ она бы не горѣла.

Офицеры говоряшъ, что переходъ съ одной дороги на другую, дѣло великое и важное, и не дравшись, ди-скашъ, однимъ переходомъ выиграна славная побѣда: мы, слышъ, шеперь у нихъ во флангъ; пусть куда хотянъ двигаются, а мы и тушъ! но и того-де лучше, что шеперь приккрышы богашы наши губериин, и что за съвсшными запасами послашь никуда ихъ нельзя, а что въ Москвѣ-то засшали, то вѣдь сгоритъ вмѣстѣ съ Москвою, шакъ и придется свнстать въ ногошокъ. Авось будешь и на нашей улицѣ праздникъ! *«Утро, яко трава мимо идетъ, утро процвѣтетъ и прейдетъ, на вечеръ отпадетъ, ожесткнетъ и изсхнетъ, милость же и истина срътостася,*

*правда и миръ облобызастася.» Слы-
шишь, чѣмъ кончить намъ проповѣдь
Священникъ послѣ молебна при началѣ
войны!*

П П С Ъ М О Х.

Вотъ теперь пораскажу я тебѣ чудеса, что волосы дыбомъ стануть! Лишь пришли мы въ Красную Пахру, а путь наши наѣзники дожидаются Главной квартиры, съ тремя Французскими курьерами, которыхъ перехватили на Смоленской дорогѣ; ну! съ чѣмъ, ты думаешь, эти курьеры изъ Москвы посланы были за-море, въ бусурманскую сторону?... Съ церковнымъ серебромъ! У злодѣевъ не дрогнула рука сорвать ризы со святыхъ иконъ... Батюшки свѣты! Ахъ! они оказипые! Вѣдь ужъ это, воля твоя, изъ рукъ воиъ! Мы и сами благодаря Небеснаго Царя, въ чужихъ земляхъ бывали, и часенько случалось проходить мимо церквей! Такъ хотъ

креститься и не станешь — а молитву все таки сотворишь; по моему: гдѣ народъ молится, тамъ и свяшой храмъ; такъ положу ли я руку на ушварь Господню? Да провалюсь я сквозь землю, если и на умъ только взойдешь мнѣ экая припча! — Надъ Вѣрой, чья бы она ни была, шушка вовсе не смѣшна, да и опшучиваться грустно; всякому свое мѣло.

Послѣ этого суди, каковъ Французскій обычай, и скажи: что у нихъ святаго? — Пусть оторвутъ у меня руку, ногу, худо мнѣ будетъ, а прощу! Но за оскорбленіе храмовъ Божіихъ и за ризы церковныя, я, братъ, съ ними въ вѣкъ не помирюсь! А мнѣ было еще и блажь въ голову пришла: вѣдь по-Шмецки-то намъ не съизнова учиться: бывало въ Пруссіи заведешь рѣчь, какъ съ роднымъ, а лишь молвишь: ли-

беръ мудрахень (*) мадамъ, гебенцы
пожалуста миръ эйна глазикъ биръ (**)!»
глядншь, ннъ вмѣсто спапанчика пив-
ца, поставлять те цѣлую бутылку —
раздолье! Да Прусакн, брашъ, славные
люди, что и говоришь! Ну, вошъ хо-
тѣлъ было я и по-Французски-то по-
учишьяся, вѣдь по вѣкъ свой будемъ шу-
зишь другъ друга, когда либудъ, чай, и
помиримся, а тамъ неравно придется, я
думалъ я, кого либудъ и изъ нихъ
кстати приласкать, приголубить. Въ
семьѣ не безъ урода, встрѣишися подъ
часъ и порядочный человѣкъ, но видпо,
каковъ попъ, шаковъ и приходъ: ше-
перь плати ты мнѣ за каждое слово по
пятаку, вотъ-ше Христось не возьму!
Спало бытъ и говоришь съ окаянными
до гробовой доски не буду; а вѣдь разго-

(*) Liebeß Mutterchen.

(**) Ein Gläßchen Bier.

воръ-шо, у нихъ не больно хитеръ: спо-
ишь приняшься, духомъ бы схватилъ!
Не далѣе, какъ вчерась пригнали къ намъ
человѣкъ шриспа плѣнныхъ, да что за
люди? посмотрѣть не на что; ни дать,
ни взять, спрекозы. Мы лишь подошли
къ нимъ, а они заговорили: «*Musse, дуй
пень, дуй пень* (*)» — «Здѣсь чистое
поле, пей нѣтъ, товарищи,» сказали
мы: «дуйте себѣ въ кулакъ, коли васъ
беретъ охота.» — Можно бы, кажись,
понять? ишь лихъ нѣтъ! Они все таки
свое; кой чоршъ вошло имъ въ голову?
Не выкидываютъ ли они шуки, ду-
мали мы; на бѣломъ свѣтѣ мно-
го, да и у насъ есть Черемисы, что
и молятся плямъ; ужъ не счи-
тають ли они и насъ такими же полу-
чертенятами? Долго мы толкова-
ли, да спасибо подошелъ полковой

(*) Monsieur, du pain, du pain.

нашъ причетникъ, Вавила Пафнутийчъ Спрочкинъ (опъ опредѣлился послѣ тебя) человекъ ученый и, не грѣша можно сказать, всесвѣдущій; всю обѣдню наизустъ такъ дерма и деретъ, да и дивиться нечему: хотѣ въ службу-то онъ ошдакъ и за пьянство, однако жъ изъ семинаристовъ, ну сущая, брашъ, книга, ужъ не запнется; о чемъ хошь заговори, научишь и попа другого. «Онъ, ребяща, хлѣба просятъ,» сказалъ Вавила Пафнутийчъ: «хотѣ кормишь бусурмановъ и не приходишь — да что дѣлать? вѣдь они все таки тварь Божья; да и Священное Писаніе гласитъ: любите и враговъ вашихъ!» Только что отпрѣзали мы имъ по кусочку, а ихъ и погнали. «Адиэ (*)!» закричали всѣ въ голосъ. Шъшъ, пріятели! безъ конвою васъ, чай, не пустятъ! сказали мы. «Да

(*) Adieu.

они прощаются,» перевелъ намъ Спирочкинъ. Ну теперь ты видишь, что языкъ у нихъ просто напросто нашъ; только они его злодѣи перековеркали: дуй пень, это, вишь, дай хлѣба, а кушань, по ихнему, манжеты! Ну право, съ ними съ поспѣлами животыки надорвешь! Да что толковать! и въ Польшѣ точнехонько тоже: какъ начнешь бывало слова — то ломать и съ права на лѣво, и съ лѣва на право, и на изнанку, такъ и пойдутъ дѣла на ладъ; иное мѣсто и самъ не понимаешь, что говоришь, а они ужъ знаютъ: каттай только навыворотъ.

Здѣсь назначенъ и вступилъ въ должность Дежурнаго Генерала Петръ Пешровичъ, нашъ дивизионный Начальникъ, Коновницынъ. Вся армія рада, что мѣсто такое важное занялъ храбрый, честный и благородный человекъ. А намъ его и не-вѣсть какъ жаль.

П П С Ъ М О XI.

На старой Калужской дорогѣ есть село Воропово Графа Ростопчина, который, вишь, въ Москвѣ былъ наибольшимъ; домъ каменный, огромный, словно дворецъ. Эшошъ Графъ, сказываютъ, больно не хотѣлъ, чшобъ Москву-то бросилъ, и ужестъ какъ сердился, что съ нимъ не посовѣшались. Богъ вѣсть: Москвы, или села было ему жаль? только ужъ по всему видно, что до Французовъ-то онъ больно не охочъ: какъ смѣкнулъ, что сила наша провалила мимо, и что село остается неприятелю, тошчасъ зажегъ домъ своими руками, — экой молодчина!

Лишь только подошли мы къ Гаришину, а шуть и Кушуровъ. Я видѣлъ

слезы ваши, слышалъ ропотъ на судьбу, и знаю пламенное желаніе храбрыхъ товарищей, умереть за каждый шагъ родной Русской земли,» сказалъ онъ намъ. «И вошъ мѣсто, на которомъ весь свѣтъ увидишь разительный примѣръ священной любви и непоколебимой приверженности Русскаго воинства къ Богу, Государю и Ошечеству! Здѣсь возродимъ мы геройскіе и вмѣстѣ Христіанскіе подвиги достойныхъ предковъ нашихъ! Здѣсь воскреснутъ безсмертныя дѣла Пожарскаго, Палицына и Минина! Здѣсь, друзья, сольемъ мы благородныя желанія, соединимъ усилія и откажемся отъ всего, кромѣ славы, побѣдъ и смерти!» — «Ради старашься, Ваша Свѣтлость!» закричали мы. — «Умремъ или побѣдимъ!» гаркнулъ Ашаманъ Плашовъ. — «Умремъ или побѣдимъ!» повторили мы. Старикъ

слезно зарыдалъ, закрыть глаза ладонью и поѣхать; а мы оспалнсь и тоже заплакали, — да о чемъ же? спросишь ты? Ужъ, право, не знаю — заплакало сердце, не спросясь у меня.

И И С Ъ М О XII.

Куда какъ весело нашему брату работашь, какъ знаешь, что трудъ поидетъ въ пользу! Кромѣ карауловъ да сторожевыхъ полковъ, вся армія употреблена была на постройку баштарей, шанцевъ и еще какихъ-то ловушекъ (всѣхъ не припомнишь). Въ три дня мы сдѣлали новую Москву, только что не каменную, и теперь, кажись, стоимъ твердою ногою на Тарушинскихъ поляхъ; полки съ каждымъ днемъ усиливаются; съ Дону къ казакамъ большая гурьба пришла на помощь; дворяне, и старъ и младъ, прибывалъ ежечасно, поступающъ въ полки. И видѣлъ одного Полковника, который ужъ въ землю оборотился; смотришь

на него и бѣишься, — того и гледи, что разрушился; говорили, лѣтъ пятьдесятъ былъ уже въ опешавкѣ, а привели сударикъ защищать родной край. Ухъ, брань! какъ странно думаешь, что враги въ Россіи, и какъ мило глядишь, что во всѣхъ Русскихъ одна душа! Обозы съ провіантомъ такъ и кашахъ со всѣхъ трехъ сторонъ, и со всѣхъ же сторонъ валяхъ мушкетеры въ Главную квартиру — зачѣмъ, ты думаешь? — просишь: кто ружья, кто пороху, чтобъ стрѣляхъ Французовъ; ай, да ребяща! похваливаемъ мы, а они то хорохорятся, да что ты думаешь? зипунъ сѣрь, а разсудокъ-то не чернѣ съѣлъ — имъ не владѣ пальца въ ротъ; на армію они не нападутъ, а небольшую-то командирку уходятъ, какъ вѣшь дадутъ. Сказываютъ, что кой-гдѣ Подмосковные начинаютъ уже и

ошличашься. А между шѣмъ изъ нѣко-
 торыхъ городовъ прибыли купецкіе
 старшины съ шѣмъ-де именно, чтобъ
 заранѣе узнавать, чего у насъ не до-
 стаетъ. Вотъ, братъ, народъ! ты
 много служишь, а гдѣ видѣлъ экихъ
 людей? — Вчерась изъ Калуги прибылъ
 обозъ съ сухарями, которые вѣрно
 принявъ въ нашъ полкъ; лошаденки
 такъ изморены, что чуть плачуща,
 а на подводчикахъ синіе кафтаны,
 шелковые кушакъ, пуховыя шапки!
 Вотъ мы и ну ихъ распрашивать.
 Что жъ вышло? Насмолціе хозяева
 кто захворать, кто изъ страха бѣ-
 жать, такъ чтобы не османивши дѣ-
 ла, съ сухарями поѣхали купцы. Одинъ
 такой осанистой и по лицу-то слов-
 но праведный, вслушавшись, что мы
 ихъ между собою похваливали, сказалъ
 намъ: «Труды наши не поравняются съ

ванини, храбрые воины! не много мы
 сдѣлали, что по доброй волѣ обоѣ къ
 вамъ пригнали! Вы наши защищали,
 и за насъ проливалие кровь свою;
 глухой чловѣкъ, кто не знаетъ цѣны
 священной крови, которая льется за
 Христову Вѣру и за Домъ Государевъ.
 Шить, любезные друзья! будьте увѣ-
 рены, что мы не пощадимъ для васъ
 и послѣдняго ашына, коли потребуется
 много время и нужда ваша, онъ кошо-
 рой да сохранитъ васъ десница Божія!
 Рѣчь подлинно умная. Но чтобъ пу-
 шемъ смазать душу, онъ вынулъ изъ
 кармана полную горсть серебра, и он-
 давая намъ, просилъ поставитъ свѣ-
 чей и оислужитъ молебенъ Смолен-
 ской Божіей Матери, кошорой образъ
 находится при Гвардіи, а на осмаль-
 ные выишь за здоровье Русскихъ
 солдатъ. «И Калужскихъ купцевъ!» при-

молвилъ мы. — Да чего тебѣ больше? сказываюшъ, что у насъ въ конницѣ служатъ двѣ какія-то барышни изъ благородныхъ, вишь, одна унтеромъ, а другая Поручикомъ; чины взяли за храбрость, и обѣ заслужили по крепосту, — въ огонь такъ и лѣзутъ, а верхомъ, слышь, сидятъ, что и иглы не подпочишь, словно приросли къ сѣду. Вишь, братъ, какія разудалыя проказницы!

Прощай! сей часъ идемъ впередъ, въ спорожевыя. Тебя ужъ не учишь: ты знаешь, что, стоявши съ непріателемъ носъ къ носу, надобно соблюдать такую осторожность, чтобъ въ одну минуту можно быть готову и снрѣзать и колоть. Боже упаси оплошать! Какъ разъ улетишь на потъ свѣтъ: самъ пропадешь, да еще и дру-

гихъ погубишь. По пути говорился:
одинъ щурупъ испортился, а все ружье
не годишся.

И Н С Ъ М О XIII.

Въ цѣли часовые наши отъ непрішельскихъ такъ близки, что можно бы и разговаривашь, да о чемъ шолковашь съ бусурманами? Не худо бы, правда, спросить: зачѣмъ пожаловали? развѣ дома-то тѣсно стало? При насъ они не проказничаютъ, а прежде, говорили, то и дѣло подназывали, чтобъ схватить языкъ: да не туда шлепнули, порѣали, а хотя бѣ и взяли, не много бѣ узнали! Они видно не вѣдаютъ, что Русскаго солдата распина, а правды врагамъ онъ не скажетъ; вѣдь умереть все равно, на печи или на полатяхъ. Да кто и на пуховикахъ-то изволишь преснаваться, шакъ и ему не краше, чай, нашего! Ужъ это дѣло мы не

хуже другихъ знаемъ — по гошпина-
лямъ и по своему полковому лазарету;
кто былъ хорошій Христіанинъ,
честный человекъ и вѣрный солдатъ,
тотъ умираетъ, родимый, какъ лучин-
ка догараетъ; смотришь на святыхъ
иконы безъ страха, творить молит-
вы съ такимъ спокойствіемъ, уми-
леніемъ и смиреніемъ, что другой съ
экой радостью и торжественнаго
праздника не встрѣчаетъ; со всеми
просишся, какъ съ братьями, все
распорядишь, обо всемъ прикажетъ и
заснетъ, дай Богъ ему царство небес-
ное, какъ свѣча угаснетъ; а другаго
сударика, что душою подгулялъ,
совѣсть покривилъ, да и рыльцо-то
позапачкалъ, коверкаетъ, ломаетъ и
какъ будто чортъ, прости Господи,
душу-то изъ него выгоняетъ, ужестъ
взглянушь! то его согнетъ, то скор-

чинилъ, шо языкъ высунелся къ самому
пунку, шо заверотился къ запялку;
теперь въ унышеніе одно бы и осша-
валось, прибѣжище къ Господу Богу.
Шо ляхъ нѣтъ! Злодѣй, кто сперва
не вѣрилъ, не любилъ и знаетъ Творца
Небеснаго не хотѣлъ, кто не шелъ
пунемъ, который указываетъ намъ
святаѣ Вѣра, шошъ въ часъ смерти
всего боишся, и не только не можетъ
взглянуть на ляхъ Господень, да и
аминь сказать не смѣетъ, — расшлает-
ся, и отправится къ чертямъ на ку-
лички!

Какъ померкнешь, брашъ Данилычъ,
хорошенько, да возришься въ плонную,
ивакъ нѣ-хотѣя видишь, что все ведет-
ся начальствомъ. Кому не бываетъ
скучно? и со мной это случается; — пу-
вошъ и развернешъ книжку, что вы-
дать Полковникъ всемъ грамошнымъ

солдатамъ, и начнешь чинанъ, а безграмотные учнутъ слушанъ, а шутъ все поученія ценомлены и въ ротъ положены, чишай и руби себѣ на поеу, не тяжело, а любо! — напрымьрь:

«Солдаты, имя общес, знаменишое! Солдатомъ называешся и первыишй Генералъ и послѣднй рядовой; имя солдата носить на себѣ всякой шонъ изъ вѣрноподданныхъ Государа и Ошечесшва, на могучихъ плечахъ косто лежашъ сладкая душъ и сердцу обязаишъ: защищашъ свяшую Вѣру, Царскй шротъ и родной край! колонишъ враговъ шоземныхъ, цешребашъ враговъ внутрешнихъ, и поддерживашъ въ Государствѣ всеобщй, законами опредѣленнй порядокъ. — Дурной сынъ Церкви не можешъ бышъ хорошимъ сыномъ Ошечесшва; онъ заживо — обреченная доля прешлодига ада, и

пошому первѣ всего падежитъ всею душою, всею сердцею, всеми намереніями и помысленіями утвердиться въ законъ Божіею, въ святой Христовой Вѣрѣ и въ артикулахъ Царскаго Устава. Человѣкъ родился для того, чиноу умереть; эти два конца всечески неизбѣжны и зависятъ отъ Бога, но середка по большей части въ нашихъ рукахъ. Кто дѣлаетъ въ воду, не спросясь броду, тотъ безъ сомнѣнія утонетъ; но чиноу быть хорошимъ, славнымъ солдатомъ, не много надобно!

«Люби Бога, Государя и Отечество, повидайся салю Начальству, будь храбръ и неустрашимъ въ сраженіяхъ, все дѣла службы исполни безъ ропота, съ покорностію, съ охотою, съ доброю волею, и все тягости, какія подъ часъ столько же бываютъ трудны, сколько и неизбѣжны, перенеси

съ Христіанскимъ шериѣіемъ; а въ заключеніе, все сіи досеѣшсѣва скрѣпѣ въ себѣ присягою, копорую храни, какъ зѣнцу ока. — Присяга естѣ шоржесствѣнное обѣщаніе, данное побою лично самому Господу Богу! — Чшо же сего важнѣе?

«Въ полковыхъ знаменахъ — слава, честь и жизнь служащихъ! Въ нихъ въ совокупности соединены все святыя драгоценности наши: Вѣра, Государь и Отечество!»

«Солдату, въ общей съ товарищами жизни, надлежитъ обходиться съ честными людьми дружелюбно, чиносердечно; съ сомнительными осторожно; къ дурнымъ же, напрошивъ шого (пока не потеряна еще надежда къ исправленію), быти внимательну, попечительну, ласкову, и употребляти все средства, чшобъ получиши довѣреніе»

носпѣ заблудшаго, сплюю коей, совѣтами и примѣрами, успѣвать спасенію его ошѣ гибелю.

«Для хорошаго солдата довольно, если и одного несчастнаго, погибающаго негодля, удастся ему возвращить къ Богу и къ обязанностямъ службы, и симъ немногимъ ошѣ положить къ подножію Престола такую жертву, каковой позавидуетъ и самый добродѣтельныйшій изъ священнослужителей!

«Младенецъ, девять мѣсяцевъ во внутренности матери образовавшійся, вѣрно не хотѣлъ бы оставишѣ столь покойной канурки; ему мягко, сышно, тепло, чего жѣ лучше? Иной проказникъ въ минушю рожденію такъ упрямился, не желая разстаться съ раздольнымъ беззаботнымъ жншьемъ, что и щипцами пріятеля насилу вытянушѣ;

но, являсь въ воздушный міръ, часъ отъ часу начинаеть ему нравиться и близый свѣтъ; съ возрастомъ, постепенно онъ привыкаетъ къ простору, любитъ Природу, свободу; наконецъ все ему дорого, мило, и... онъ счастливъ. ... А смерть? тѣфу пропастъ, опять горе! Чувства наши стѣсняющія и при одномъ только помышленіи о смерти; легко ли подлинно, бѣдному человеку предвидѣть и знать навѣрное, что пыльная оболочка его разрушилась, бренные замыслы разлепялись, и что мы, господствующіе повелевали подвластныхъ двуногихъ и даже четвероногихъ животныхъ, составимъ собою превкусное блюдо ничтожнымъ червямъ, лишь ногами нашими попираемымъ? Но сіи-то именно чувства страха болѣе и болѣе удостовѣряють насъ въ истинѣ священныхъ преданій,

что душа наша не умираетъ и что
 новый міръ ожидаетъ ее за гробомъ,
 иначе не было бы причинъ болѣть; а
 посему и надлежитъ держать ухо во-
 стро, не давая промаху и заслужи-
 вая апостоланъ въ небо; тамъ не-
 премѣнныя квартиры наши; но здѣсь
 мы лишь наискусѣ! Причемъ не труд-
 но убѣдиться, что Вѣра святая и
 законъ Государевъ соспавляютъ все
 наше благо, ограждаютъ насъ отъ
 всѣхъ бѣдъ и напастей; слѣдуй по сло-
 вамъ Вѣры и закона, — и будешь самъ
 себѣ баринъ! Добрый солдатъ, спаси-
 тельнымъ артибуламъ слѣпо предан-
 ный, съ правами человечества, подъ
 кровомъ матки-правды, съ душою не-
 порочною, съ совѣстью чистною, пря-
 мымъ добродѣтельнымъ путемъ идетъ,
 какъ Волга — матушка течетъ, ни чего
 не боится, ни чего не страшится. . .

Дурные люди обыкновенно говорятъ какъ ржа точитъ напрасина, и по неволѣ-де сдѣлаешься дуракомъ! Вздоръ, есть и на Волгѣ мельницы, случашъ, шумяшъ, по теченіи Волги не пѣвѣ-илюшъ; чистый, честный человекъ никогда не встрѣшитъ столь нагубной напрасины, чтобъ она имѣла силу по неволѣ столкнуть его съ большаго, прѣлагаго, безопаснаго пути на скользкую, безнадежную, проселочную дорогу; клевета, лбѣда и сплетни зло на свѣтѣ не новое, но для добрыхъ, хорошихъ людей зло вовсе постороннее; желать, чтобъ зло всюду исчезло, значитъ желать, чтобъ мать Природа измѣнила коренные законы, Вседержителемъ ей предписанные.

Горькая доля, каковую упрочиваетъ себѣ дурной солдатъ, бѣдственнымъ примѣромъ остерегаетъ добраго

молодаго, неопытнаго воина, которому, чѣмъ счастливо прослужить узаконенный терминъ, не предстоитъ ни малѣйшей хитрости. Избѣгай пороковъ, гнушайся гибельными примѣрами и утверждайся неоспоримою истиною, что вѣрный долгу своему солдату, прямой Христіанинъ, сподобъ выше всѣхъ бѣдъ, выше всѣхъ сплетней, и за добрыя дѣла, за усердную службу вѣрнѣе пунъ въ мѣшечъ получить достойную награду и въ здѣшней и въ будущей жизни; напропавъ того, и самый успѣхъ избѣгающаго службы или подлостью выслужившагося негодала лакомитъ поганую душу нечестивца для того собственнѣю, чѣмъ чувствительнѣе нанесетъ ему ударъ и разительнѣе низринуть его въ бездну вѣчныхъ мукъ и страданій.

И со мной нѣкогда случилось, что

поганый языкъ божьего клеветника
 лизать по моему мундиру, но пятца не
 оставилъ, и правая душа не знала го-
 ря: безвѣстно въ Россіи никто не
 страдаетъ. Кто чесноку не ѣлъ, огъ
 того и не воняетъ. Не должно одна-
 ко жъ забывать каждому и знать, что
 съ честію и славою полка связана
 честь и слава всѣхъ служащихъ въ
 немъ чиновъ отъ мала до велика; на-
 дуна, учинившаго неодобрительный по-
 ступокъ, по уваженію иногда къ мо-
 лодымъ лѣтамъ и по снисхожденію къ
 другимъ слабостямъ, я могу и про-
 щить; но кто видитъ и знаетъ въ
 товарищѣ своемъ омерзительное по-
 веденіе, могущее нанести дурную мол-
 ву къ лицу всего полка, и не донесетъ
 по командѣ или лично мнѣ, тогда ни
 въ войнѣ, ни въ мирѣ, другомъ и по-
 ларищемъ моимъ не будетъ; а когда

въ знаніи и сокрытіи по дѣлу изобличился, накажется съ бѣльшею строгостію, нежели самъ преступникъ; мы составляемъ одно семейство и у всѣхъ у насъ одна душа; васъ хваляшъ, у меня сердце растетъ; меня хваляшъ, вамъ весело; причемъ слишкомъ было бы глупо, чтобы мы допустили одну мелочливую овцу заразить все стадо! У кого изба засорена, у того и весь дворъ неопрятенъ. Теперь, какъ разъ десятокъ, другой, прочтешь самъ, да разъ десятокъ, другой, тебя прослушаютъ, такъ, что ни говори, а строчка, другая за неволю вѣрнется въ душу и за неволю произведетъ плодъ.

П И С Ь М О XIV.

Поздравляю, братъ Іремневъ, себя и себя съ полковымъ нашимъ праздникомъ Св. Апостола Іоанна Богослова, а манушку Русь — съ хорошей добычей! Въ эту недѣлю наѣзники наши, мужики и даже бабы, напаскали къ намъ навиныхъ Французовъ тьму тьмуцую! Что въ Москвѣ уцѣлѣю, бусурманы, вишь, сманженили; не осталось даже ни одной вороны, галки и лягушки; теперь, слышь, пришлось взяться за крысъ и мышей, но какъ съ этого промысла барыши не велики, то и пустились голоколышники по деревьямъ, а наши бородатые мужички того и ждали! Ну, право, мы наделись со смѣху, какъ рассказывали они про свою

охоту, какъ ловить и душить Французовъ, не въ примѣръ-де веселью волчьей!

Сегодня были мы въ церковномъ парадѣ, и Священникъ, по окончаніи молебна, сказалъ намъ слово, которое кончить ужъ подлинно, брашъ, дяковникою.

«Не наши, конечно, много-грѣшныя молитвы,» говорилъ отецъ духовный: «услышаны Господомъ Богомъ! Но Царь небесный явно дастъ намъ чувствовать непостижимое величіе и неизреченное милосердіе свое къ возлюбленной Цмъ Россіи. Свято-Троицкая Лавра, пребывавшая чрезъ все бѣдственное для насъ время безъ воинскаго прикрытія, ограждалась и защищалась по сей часъ десницею Всемогущаго Бога, а драгоценная сокровищница Святыхъ Господнихъ Храмовъ и нынѣ, какъ нѣкогда при Ташарахъ и Цолакахъ, оста-

лась неприкосновенною! Кѣмъ изъ враговъ не испышывалъ силу, овладѣвъ еною лакомымъ для алчной корысти гнѣздомъ святой Вѣры нашей? Но бывъ вѣчно поражаемы свыше, никогда не имѣвъ успѣха и приблизившись къ Свято-Троицкой Лаврѣ. Даже и чума въ Москвѣ, икогда свирѣпствовала, не расширяла губительнаго дѣйствія своего къ сей священной Обители! Съ нами Богъ! разумѣете языцы и покоряйтесь: яко съ нами Богъ!»

Послѣ сего, какъ возвращались мы въ палаты, Вавила Пафнутичъ порасказалъ намъ дѣло — то аккуратный: ты знаешь, что въ Свято-Троицкой Лаврѣ опочиваютъ мощи Святаго Угодника Сергія, и что у гроба (или, какъ духовные называютъ, у раки) дено и нощно стоятъ монахи на часахъ, смѣняясь по нашему, т. е. по-солдатски. — Ми-

проползъ, изъ Москвы въ Лавру удалившійся, ежевременно также находящійся при свѣшыхъ мощахъ, и въ самое то время, когда мы жертвуемъ жизнью на поляхъ славы, опцы духовныя жертвуютъ собою, убогая и изнуряя силы свои въ дневныхъ и ночныхъ бдѣніяхъ на молитвахъ. Однажды, какъ Минсрополншъ въ глухую полночь, удаля нѣсколько минутъ на отдохновеніе, спѣшнѣ опять въ церковь, въ преддверіи оной встрѣтился ему монахъ, вовсе незнакомый, который тоже, по видимому, спѣшнѣ, въ лежащій путь. Высокопресвященнѣйшій Владыка тогда уже спросилъ, откуда и зачѣмъ приходитъ въ Лавру посторонній монахъ, когда кончилась служба; не менѣе того наведена была справка, причѣмъ оказалось, что всѣ свои монахи были на лицѣ, и приходившаго

никто не видалъ, а въ слѣдъ за симъ слухъ пронесся, что это былъ самъ Угодникъ Сергій.

Тутъ Спрочкина спросили къ Священнику, и онъ, убогая молвить: за что-де ребята купилъ, за то вамъ и продалъ. И однако жъ вѣрю, потому, что спасашъ насъ Святому Сергію не новое; какъ бы то ни было, но мы все таки стали на колѣни, и отъ всей души помолились Господу Богу и Святому Угоднику.

И Ц С Ъ М О XV.

Вчерась досталось мнѣ на часы къ славкѣ Милорадовича; ты знаешь, что у насъ на святой Руси Милорадовичъ извѣстенъ и старому и малому; для него непріятельскіи пули и ядра — шрынъ права. Пафнутичъ за вѣрное рассказывалъ: будто однажды Англійскій Генералъ, при нашей арміи находящійся, съ которымъ Милорадовичъ друженъ и хлѣбъ-соль водилъ, захотѣлъ попробовать, какую де шутку выкинешь Русской храбрецъ, увидя невзначай на тарелкѣ своей сви-нецъ, и запрося его къ себѣ на завтракъ, приказалъ повару въ приспѣш-ной положить пистолепную пулю въ бѣшеное мясо. Ну, воцѣ, сковороду по-

дали, и кусокъ съ пулею попался прямо нашему башюнкѣ. Онъ, отръзавъ сперва ту сторону, гдѣ не было пули, пожевалъ и проглотилъ; потомъ и ту часть мяса, что съ пулею, положилъ въ ротъ, пожевалъ, пожевалъ, да и... проглотилъ на доброе здоровье, — у Англичанина волосы дыбомъ встали, а Милорадовичъ замѣтилъ только, что у него покупають черствую говядину. Вотъ, братъ, желудочекъ! Изжарь, пожалуй молодцу хопъ весь патронный ящикъ, ему и порохъ и свинецъ малина, а бусурманы хопятъ испугать насъ пальбой! Далеко куцому до зайца! Съ этими разудалыми командирами мы и въ усь не дуемъ.

Къ вечеру съ передоваго спорожеваго пикета Милорадовичъ пріѣхалъ домой, повидавшись тамъ съ какимъ-то Королемъ, который при Бонапар-

ишь служишь, знаешь, для посылокъ. Тебѣ, не-бось, смѣшно, а сердечнымъ Королямъ, чай, вовсе не до шутокъ! Да что дѣлать? Вишь колдуну все можно; лишь молвишь: по щучьему велѣнью, по моему прошенью будь ваятель королемъ, а король двойкой, такъ они и запляшутъ въ три ноги; многіе припоманно знаютъ, что съ нимъ лучше де и не схватывайся, ни въ три листика, ни по поскамъ; ты еще та-суешь, а у него ужъ хлюстъ, вошь онъ те поздритъ-то и вздуешь, да какъ? что и Божьего свѣта не взвѣдишь.

Надъ нами - то полно, ему нѣтъ воли; ужъ онъ, братъ, не проглотитъ Русскаго кресла, какъ нашъ Микорадовичъ Англійскую пулю, стара маперія!

Кажется, что Бонапарть началъ пришепестывать (толковали Адьюшанты) и изъ высокихъ-то Царскихъ хо-

ромъ сшатъ поглядывать на Лешневскую лазейку, въ которой живетъ Кутузовъ; ужъ не разъ де засылаю къ спарику и Королей и Генераловъ, сшунайше - дискашь, переговорише, ужъ не о томъ рѣчь, чшобъ покоришь Русь, а чшобъ по добру да по здорову убраться за море, домой; только смонрише, не сдѣлайше промаху: онъ-де старая лисица, — рыльцемъ роетъ, а хвостомъ замешаетъ; у него-де для такихъ, какъ мы, друзей, есть розныя шпунки; стойше прямо къ лицу, держише ухо воспри и не зѣвайше; онъ, слышь часто, одной стороной плачетъ, какъ рѣка льется, а другой, вишь, помпраетъ со смѣху.

Разсшавъ кармакъ! сказаю я самъ себѣ поглаживая родимой шпыкъ: не-равно ты подкузмишь нашего Кутузова.

Сказываютъ, будто изъ арміи къ бапюшкѣ Царю въ Пинскъ, всегда посылаются въ одинъ часъ два курьера по двумъ разнымъ дорогамъ, одинъ съ шѣмъ, дискашь, чтобъ доѣхалъ цѣлкомъ прямо, а другой съ шѣмъ, чтобъ попался Французамъ, у перваго настоящее дѣло, а у другаго сказки (Вонъ, чай, изъ той книги, что подъ часъ на бивуакахъ читаетъ намъ пришепникъ Спрочкышъ: куды, братъ, хороша! что швоя брага! вѣкъ не забуду Аглицкаго Лимондра (*), Бранденбургскую Марка Графенью (**), Турецкаго Марши Мириса (***)! вотъ какъ эти медовыя сказочки называются! Ужъ было братъ труда зашвердить

(*) Милорда.

(**) Бранденбургскую Маркграфиню.

(***) Или собственное.

эку прищучу! а нельзя, ужеснь какъ заманчивы проклятыя!) Ну вошь со сказками - шо курьеръ на другой же станціи и попадется непріятелю въ лапы, словно налимъ въ переша! и... пойдешъ, слышь, кутерьма! бумаги схватяшъ, курьера свяжешь, первыя чиниашъ, послѣдняго допрашивашъ, умо-ра, да и шолько! А какъ увидяшъ, что ладнѣе на ихъ руку, что старикъ будто бы знашь спрусить; что вос-вашъ ему и не съ чѣмъ и не хочешся, такъ не шолько что съ честью въ Питеръ проводить, бумаги ошдадутъ, да и золоша въ карманы курьеру насыплютъ!...

«Дождитесь, пріѣхали, думаетъ себѣ Кушуровъ: хлѣбайте-ка уху, а рыба дорога! Миѣ бы шолько васъ какъ ни-будь позадержать, да Московскимъ дымкомъ подкормишь, а тамъ вы у

меня по холодку попрыгаете цыган-
скій танецъ.» Вотъ, братъ Данилычъ,
что значить умъ! Боже милосердый!
какіе у насъ есть люди!

П П С Ъ М О XVI.

На дняхъ чрезъ передовые послы пропущенъ въ Летащевку и обратно Французскій Генералъ Ларя-стой(*), который, говоряшъ, до войны жилъ въ Пинеръ, да по знакомству-то и подѣхалъ было къ Кутузову, вишь съ миромъ! Вошь что подслушалъ я, какъ Полковникъ рассказывалъ офицерамъ, иное мѣсто и съ трудомъ, но не проронилъ словечка:

«Императоръ мой,» говорилъ Ларя-стой сшарику, — «по свойственному исключивельно ему одному человѣколюбію, не хочетъ проливать болѣе крови; онъ, не смотря на пріобрѣсенные имъ успѣхи и тѣ блестящельныя выгоды, коими окруженъ, обладая серд-

(*) Лористонъ.

цемъ Россіи, дарюшъ Імператору Александру миръ, не жадаешъ рас-
просираненія границъ Французской
Монархіи, не увлекаешся видами коры-
сти, и, къ удивленію, ограничиваешся,
какъ кажеишся, одною только дружбою
Русскаго Царя! И не думаю, чшобъ
сшоль важныя пожертвованія со сшо-
роны моего владыки не порадовали
васъ, почтеннѣйшій Генералъ, а и то-
го менѣе, чшобъ могли быть отверг-
нуты вами въ самое то время, когда
армія наша въ наилучшемъ и можно
сказать, въ цвѣтущемъ сосшояніи, и
когда по одному мановенію резервы
наши могутъ, усиля, содѣлать оную
болѣе и болѣе непобѣдимою! —

«Прибывъ къ вамъ, какъ къ прія-
телю, не въ лицѣ Посла, я говорю съ
вами языкомъ человека, всеѣ душой
васъ любящаго, за хлѣбъ - за соль и за

дружбу многимъ Русскимъ благодарнаго. Примите искренній совѣтъ мой и поспѣшите воспользоваться спасительными для васъ обстоятельствомъ, дабы настоящимъ и вовсе, впрочемъ, неожиданнымъ распоряженіемъ Императора моего, вопреки здравой политикѣ очевидно въ пользу Россіи склоннаго, заблаговременно успѣли вы отъвергнуть отъ вашего отечества новыя бѣды, въ исполненіи которыхъ замыслахъ неподражаемаго генія вѣчно готовыхъ!» — «Любезный Ларя-сшой,» отвѣчалъ Кузюзовъ: «миръ, какъ благой даръ Небесъ, Императоромъ Наполеономъ предлагаемый, или въ вашей только благородной и участіемъ предсполненной душѣ возникшій, цѣною я выше всѣхъ сокровищъ въ свѣтъ, и съ моей стороны намѣренія къ тому всегда были рѣшительны и постоянны; недоставало

только, да и нынѣ недостаетъ согласія Повелителя моего, но и въ немъ сомнѣваться не имѣю я причинъ; съ послѣднимъ курьеромъ, правда, получилъ я небольшое противорѣчье: Его Величество слегка намѣкаетъ, вмѣсто конца, о началѣ войны; но подъ симъ предлогомъ, вѣроятно, разумѣетъ Онъ успія относительно мирныхъ сташей, чиня, чтобъ не осрамился я въ изложеніи оныхъ! Склоните, любезный Ларя-сшой, Императора вашего на продолженіе хотя маловременнаго терпѣнія, и будьте увѣрены, что не далѣе какъ чрезъ недѣлю, я привѣду къ вамъ самъ лично, и дѣла пойдутъ, какъ по маслу; въ обезпеченіе сей истины, вы довольно знакомы съ ангельскими свойствами Государя моего, чтобъ судить о состояніи безпредѣльно чувствительнаго сердца сего благодѣтельнаго Мо-

НАРХА, настоящимъ положеніемъ Россіи крайне расперзаннаго: чуждый мещи, подстрекаемый единымъ желаніемъ возвратить подданнымъ счастье, спокойствіе, и возстановить поколебавшуюся нѣкошорымъ образомъ въ основаніяхъ своихъ славу, — Онъ готовъ съ пожертвованіемъ собственнѣй жизни стремиться къ благошворной цѣли, и сіе высокое чувствованіе Божественнаго Благодѣтеля народа своего ручается вамъ за скорый конецъ сей пагубной для насъ кампаніи.»

Конца разговоръ, столь дружескій, чистосердечный, выннли, слышь, пріятель, за здоровье другъ друга, шипучаго. Цѣлый вишь часъ прощались, обнимались, насилу же разстались! II Ларястой, какъ пидѣйскій пѣшухъ, съ развѣвающимися полами золотомъ шитаго мундира, полетѣлъ въ Москву.

«Добры ребята Смоленская шляхта! самъ Царь похвалилъ, головой покачалъ и трижды плюнулъ!» сказалъ я про себя. — «Вы изволише полагать, Иванъ Григорьевичъ, что ли въ какомъ случаѣ теперь, т. е. въ Россіи, миръ состояться не можеть?» спросилъ Полковника Штабъ-лекаръ. «Вопросъ вашъ потчасъ разрѣшился», отвѣчалъ Полковникъ: «Скажите только, согласились ли бы вы, поймавши волка въ пенеши или въ канканъ, удовольствоваться одною шерстью, и опустить хищнаго вреднаго звѣря, не содравъ съ него всей шкурки? Напрошивъ того, я полагаю, что, согласясь на миръ, а не предписавъ онаго, трудно бы было согласить выгоды Державъ, подъ желѣзнымъ скиптромъ Наполеона спраж-дущихъ и изъ вѣка въ вѣкъ съ Россіей дружныхъ; кромѣ того, миръ обыкно-

венный съ обоюдными правами слабое
 принесть бы вознагражденіе нашему
 Императору за испытанную непо-
 колебимую въ Немъ швердосшь, за
 скользкій, опасный путь, по коему съ
 Христіанскою покорностію къ Про-
 видѣнію, шелъ Онъ чрезъ все криш-
 ческое время бѣдственной войны безъ
 всякаго къ оной со стороны своей
 повода; за гибельное, наконецъ, положе-
 ніе и горькія слезы расхищенныхъ
 гражданъ, за кровь и исполнскіе тру-
 ды вѣрныхъ Ему воиновъ! Все это
 вмѣстѣ, и при величїи духа, въ душѣ
 непобѣдимаго, но при отеческой люб-
 ви благодѣтеля Царя къ вѣрноподдан-
 нымъ, тяготило драгоцѣнную жизнь
 Его, лишало сна, покоя и всѣхъ радо-
 сшей, каковыми, предводимый буйною,
 дерзкою отвагою, окруженъ былъ врагъ
 Его; впрочемъ миръ, дѣло, кажется, не

человѣческое. Прочитайте Высочайшій Манифестъ, въ началѣ войны состоявшійся: въ немъ горящъ божественныя истины, въ настоящее время почти разгаданныя, и разительнѣе убѣждающія, что сердце Царево въ руки Божіей, и что въ непостижимыхъ нами судьбахъ Вседержителя безъ сомнѣнія опредѣленъ миръ сей съ воздаяніемъ каждому по дѣламъ своимъ. — Покойнаго и пріятнаго сна, господа!» сказалъ Полковникъ, ложась подъ патронный ящикъ. Всѣ разошлись, а я все еще, распыля уши, слушалъ. Разговоръ не на нашу руку, а понященъ; каждое слово такъ и стучится въ сердце. Ну, Бонапарть, подумать я; ужъ по всему видно, что плясашъ тебѣ Камаринскаго подъ балалайку. Куды, братъ, жалъ Свиштунова; нельзя не вспомнить; шфу пропашъ! какой былъ на балалайкѣ - то

масперице! па щипокъ злодѣй, по суставчикамъ коѣточки такъ, бывало, и разбираешъ!

Сей-часъ нашему Полковнику принесли генеральскій чинъ; онъ радъ, а у насъ и ушки на макушкѣ.

П И С Ь М О Х V I I .

ОТЪ КРЕМНЕВА КЪ БЕЗНОГОМУ
ИНВАЛИДУ, ФЕДОРУ ЛАЗАРЕВУ
РАНЦЕВУ.

Нижеподписавшійся Кремневъ, слава
Богу, живъ, здоровъ, въ арміи, и поспѣлъ
еще ко времени: на ловца и звѣрь бѣжитъ!
Разсѣлавшись съ молодой новобрачной
женой, съ родной семьей и съ тобою,
другъ сердечный, лишь только всту-
пить на большую дорогу, да подошелъ
къ станціи, а шунтъ и привалила Сибир-
ская почта на четырехъ тройкахъ;
сѣкнувши дѣломъ, пушка-съ къ по-
чтальону: не оставьте, батюшка, замо-
лился я, — прилѣпите къ себѣ стараго
солдата, начека доѣду, не усну и какъ
раба въ дорогѣ служить вамъ буду; на

святую Русь, вишь Богъ гнѣвъ послалъ, черный годъ пришелъ Царю и подданнымъ; но Богъ милосливъ и скалится, а люди въ арміи все таки надобны; я гожусь еще воевать съ врагомъ, ремесло это мнѣ не новое. «Сохрани Богъ, отказать тебѣ,» сказали въ одинъ голосъ содержатель станціи и ямщики: «да мы тебѣ, сударика, въ назушкѣ доведемъ, давай намъ этихъ людей больше! Пушка-сь вы, разудалые, поворачивайтесь, повеселите, аи вы забыли, какъ прежде любили!» прокричалъ одинъ изъ ямщиковъ, усѣвшись на козлы. «Выбирай, братъ служба, любую тройку и садись на любые роспуски,» сказалъ Смотритель: «не изомни только чемодана.»— «Пошелъ!»—прокомандовалъ почтальонтъ, и на третій день какъ пишь далъ — я въ Лешашевкѣ. Полкъ нашъ впереди, но уже смеркось, вотъ я и приютилъ

ся нагумиѣ, которое занято было коннымъ конвоемъ Главнокомандующаго; уишеръ-офицеръ, увидя меня, спросилъ: откуда и зачѣмъ? взялъ паспортъ, показалъ офицеру, офицеръ снесъ къ Старшему Адъютанту, а Адъютантъ, удержавъ паспортъ у себя, приказалъ пока спросить лично къ себѣ, османивъ меня при командѣ. «Гдѣ чему здѣсь такая осторожность?» спросилъ я, ундера; поговоря, ознакомься и удѣля ему одну изъ сдобныхъ домашнихъ курочекъ съ личкомъ въ середочкѣ. «Осторожность въ военное время душа всей арміи!» отвѣчалъ мнѣ Спиридонъ Матвѣевичъ: «своихъ мы не боимся, изъ Рускихъ вѣрно не сыщется столь гнусный безбожникъ, чпобъ измѣнилъ Богу, Великому Государю и Отечеству. Но въ непріятельской арміи много Поляковъ, которые по-Русски говорящъ

какъ мы съ шобою, и двухъ молодцовъ мы уже подшенили, пришедшихъ подъ именемъ маркипаншовъ съ продажными духами, узнать силу, способы и расположеніе наше. Теперь они разшохивающъ въ Сибири золотую руду, и за честь эту должны благодарить осторожность нашего конвоя. У насъ, правду сказать, и у самихъ есть такіе же разудалые, одинъ — шо и дѣло что изъ Москвы да въ Москву, а другой у Бонапарша на присѣвѣнной рубить дрова въ самага вступленія, а какъ тошъ и другой говоряшъ на всѣхъ бурсурманскихъ языкахъ, шакъ немного проходишъ мимо ушей ихъ, чего бѣ они не знали и чего бѣ, слѣдовательно, не вѣдали наши начальники.» — «А буде ихъ ошкроюшъ, что тогда будешъ?» спросилъ я. — «Тогда ихъ повѣсяшъ, и болѣе ничего не будешъ.»

Признаться, брашъ, Лазаревичъ: теперь шолько узналъ я, что значишь война въ родной сторонѣ; здѣсь мало храброси, шепнуло миѣ сердце! Безъ ума голова шебала, а безъ храброси шоже плохо, проворчала душа; шной, чтобъ прослышь храбрецомъ, вѣкъ свой хлопочешъ, а успѣху нѣтъ! знаютъ и не вѣрятъ; бѣда, да и шолько! «Борисенко! на случай печальнаго выступленія, назначъ одну изъ заводныхъ лошадей Кремневу, съ шѣмъ, однако жъ, чтобы онъ велъ еще двухъ, чрезъ что однимъ гусаромъ будетъ у насъ въ строю больше.» Съ симъ распоряженіемъ Спиридона Машвѣевича, я уснулъ сполъ мершвымъ

П П С Ъ М О XVIII.

Въ полпочь полученъ приказъ быть въ готовности, и чрезъ нѣсколько минутъ всѣ Генералы, офицеры и конвой стояли уже предъ кварширою надежды Благо Царя и всей Россіи, Купузова, который вскорѣ и самъ вышелъ; ему подвели лошадь подставили скамеечку, онъ сѣлъ и поѣхалъ къ бивакамъ; ночь была темная, вѣхали тихо; ни кто словечка не промолвилъ; но у самага лагеря встрѣпились намъ конные артиллеристы съ заводными лошадьми.—«Куда вы?» спросилъ Свѣшлѣйшій.—«На фуражировку,» отвѣчалъ офицеръ.—«Что за вздоръ! быть не можешь!»—«Точно такъ, Ваша Свѣшлосшь.»—«Дачшо дѣлаешся въ лагеряхъ?»

«Гамъ все шихо». — «Вѣрю, теперь не до того, чпобъ играшь въ чехарду, по войска готовы?» — Офицера взяло раздумье; онъ не зналъ, что сказать, и послѣ многихъ вопросовъ, молвилъ, что войска спяшь.

Между тѣмъ, какъ зашла и продолжалась рѣчь, Адъютанты бросились на бивакъ, и возвратясь, доложили Дежурному Генералу, Коновницкому, что войска . . . спяшь! . . . и . . . башюшки свѣты, словно котелъ закипѣлъ Кушуровъ. «Сей-часъ» закричалъ онъ: «сей-часъ нарядишь слѣдствіе, сыскаешь и представишь ко мнѣ виноватаго, кто бы онъ ни былъ!» Не знаю, чѣмъ кончилась суматоха, и куда, (на своихъ уѣхалъ, или на казенныхъ) улетѣлъ виноватый; только вѣшь что порасказать мнѣ Спиридонъ Мамвѣвичъ. Нынѣ съ разсвѣтомъ, дискаши;

ведѣно всѣмъ войскамъ невзначай напасть на непріятелей, задать имъ перцу и распрепань ихъ въ клочки, но бумага о семъ, отъ Свѣщѣйшаго въ лагерь кому-то посланная, пропала, а видно-де изъ рукъ нечищенная въ карманъ попала, пропала, и все дѣло испортили! Уголовная бѣда! за это и повѣсись, такъ все еще будетъ мало.

Возвратясь въ Лешашевку, меня повели къ старшему Адъютанту Маіору Наспругову, копорый, похваля добрую во мнѣ волю, спросилъ: «гдѣ желаю служить?—«Въ прежнемъ полку,» отвѣчалъ я.—«Съ Богомъ, вонъ тебѣ повелѣніе объ опредѣленіи и красенькая ассигнація, чѣмъ жалуешь тебя Государь за усердіе швое. Я увѣренъ» примолвилъ онъ, — «что милосердіе и святая справедливосшь Провидѣнія сохранитъ жизнь твою, къ счастью и

пользамъ оставленнаго тобою семейства; жертва твоя многихъ бы пристыдила, если бы можно было заглянуть въ души, и подъ нашими мундирами гнѣздящіяся.» Съ симъ словомъ онъ поцѣловалъ меня и отпустилъ. Ужъ подлинно отецъ и командиръ Адьютантъ этошь, подумалъ я.

П П С Ъ М О XIX.

Наконецъ, я посреди любезныхъ моихъ товарищей. Душа моя мѣстѣ опѣ радости, видя живыхъ здоровыми и слыша, что убитые леги не даромъ и не прежде, какъ заплащивъ нехристямъ за оскорбленіе Божіихъ храмовъ безъ недомки; но особенно заста-вляешь меня радоваться скромности моихъ дѣтокъ; никто про себя не говоритъ, и что захочу знать, Еремѣя спрашиваю про Карпа, а Сидора про Кузьму. Ужъ это давно замѣчено: кто кричитъ, что онъ храбрецъ, ни-ни смѣло, что трусь. Ты вмѣстѣ со мною читалъ грамошки Ручкина, который хвалитъ другихъ, а о себѣ ни полуслова, но что же выходитъ? Въ сраженіи подъ Бородинымъ, когда до-

шло до рукопашнаго бою, и когда Полковникъ, схвативъ ружье, бросился впередъ, на него напали два Француза, и одинъ только мигъ оставался до неминуемой смерти. Ручкинъ, увидя опасность Полковника, стремглавъ подлетѣлъ на спасеніе, одного бусурмана закололъ съ разу, а ошъ другаго, заслоня собою Полковника, получилъ толчекъ въ спину штыкомъ, который, къ счастью на ребрѣ свихнулся и вышелъ насквозь въ лѣвый бокъ позади кожи. Въ это время Французъ, будучи убитъ, выпустилъ ружье, которое держалось на штыкѣ. Но только что вынули у Ручкина смертоносное оружіе, онъ кинулся къ опередившимъ его товарищамъ, и будучи счастливѣе другихъ, закололъ еще трехъ Французовъ.

Главнокомандующій 1-ю Арміею, Барклай де Толли, увидя подвигъ Ручкина,

копорый былъ запачканъ съ ногъ до головы въ своей и непріятельской крови, подзвалъ его къ себѣ, надѣлъ ему крестъ и поздравя унтеръ-офицеромъ, приказалъ идти на перевязку. Благодарю Бога, что ему приказали; иначе онъ бы не пошелъ и однимъ сынкомъ у меня еще было бы меньше. При отступленіи Полковникъ взялъ его на дрожки, но чрезъ пять дней, полагая, что Москву будущъ защищать, онъ былъ уже во фронтѣ.

Другому, Сучкову, оторвало обѣ ноги; его хотѣли нести назадъ. «Напрасный трудъ, ребята,» сказалъ Сучковъ: «жить мнѣ нельзя; да я и самъ не хочу, тяжка жизнь безногому; но въ сумѣ моей остались еще папироны; надобно, чтобы они пошли въ дѣло; посадите меня, ради Бога, возлѣ баштареи на пригорочекъ, чшобъ мнѣ дов-

чѣе было цѣлишь въ супоснашовъ. Желаніе храбраго безпогаго проварища исполнено, и онъ дѣйствительно 18 выстрѣловъ сдѣлать, во ни разу не охнулъ. Но окончаніи сраженія, когда раненыхъ собирали, душа Сучкова была уже въ небесахъ.

Помолясь о душѣ покойнаго Сучкова, я прижалъ къ ревнивому сердцу Ручкина, и расцѣловалъ молодца, какъ влюбленная невѣста красавца жениха; да ужъ не вытерпѣвъ, поцѣловалъ кешани и шпыкъ, которымъ онъ работалъ. Вотъ вещь драгоцѣнная! жизнь свою прозакладую, что шпыкъ выдумалъ человекъ, у котораго натура была Русская, до смерти люблю! — и лишь возьму въ руки друга, вся кровь во мнѣ закипитъ; того и гляжу, что коени сварятся, и въ гробъ легъ бы со шпыкомъ, коли бѣ можно было!

П И С Ь М О XX.

Поздравь, братъ Лазаричъ, меня съ обновкой; сей-часъ только кончилась при Тарушинѣ славная пошасовка, баталія была прямо молодецкая! — Ну будь ты семи ндѣй во лбу, а лучше бы не вздумалъ, какъ Беняксонъ, который, помнишь, былъ въ Пруссіи Главнокомандующимъ, и который шеперь располагалъ сраженіемъ. Кушuzовъ призвалъ его къ себѣ, да и сказалъ ему: теперь начинается новая война, и первый изъ созрѣвающихъ плодовъ, мудрою политикою Русскаго Императора произращенныхъ, я вручаю тебѣ; возьми войска, да возьми себѣ и сшорожевыя непріятельскіе полки, прошивъ насъ расподаденныя; я дарю ихъ тебѣ, вмѣстѣ

и съ Королемъ, кошорый ими коман-
дешъ. Ушъшь башюшку Царя —
а я — въ споронь!»

Съ вечера Бениксонъ съ Генераломъ
Толемъ написали, какъ дѣлу бытъ, а
съ разсѣшомъ и хлынула вся армія!
Напала, расшрепала и задала бусурма-
намъ такой шрезвонъ, что любо два и
дорого! Тысячъ десятокъ положили
мы на мѣшъ, 22 пушки, да тысячъ
песенъ пѣвннхъ прибрали къ себѣ въ
ланы.

Кушуровъ ни во что не мѣшался:
сморѣлъ только и восхищался, какъ
мы Московскихъ гостей подчивали
и угощали! Король уленешуль съ
немногими; а Бениксонъ словно
мѣдный грошъ перецавлялся — но-
молодѣлъ! — И дѣльно, онъ спа-
рикъ хвашскій! — Но начальники,
бращъ Лазаричъ, у насъ всѣ люди ди-

ковинные ! — Богъ ихъ бережетъ , — а они себя вовсе не жадьютъ ! чуть гдѣ огонь посиыкъе — или наши по-
 пяшились , они ужъ тушъ , и не въ-
 ришся , какъ поразскажутъ про Барклая ,
 Раевского , Докшорова , Коновницына ,
 Остермана , Ермолова , Паскевича , Пале-
 на и про другихъ прочихъ Генераловъ ,
 какъ они проказничали подъ Бородинымъ ;
 ихъ , слышь , и не ищи , гдѣ ишь свицо-
 ваго граду ; у Барклая-то перебили всѣхъ
 Адъютантовъ , всѣхъ ординарцевъ и
 весь конвой ; а онъ ? что ты думаешь ?
 сошрешъ съ лица пыль , пошухаетъ
 не шоропясь табачку , дастъ коню шпо-
 ры , да и брызнетъ спремглавъ , гдѣ и
 мухамъ жудко ! . . . А отъ старыхъ и
 молодые учатся ! . . . Въ гвардіи есть
 Полковникъ Быстрой (*) — дѣтина , какъ

(*) Бисптонъ.

будио на заказъ сдѣлапъ, кровь съ мо-
 локомъ; онъ съ егерями у Бородина
 защищать вишь мосиъ; я нарочно хо-
 дилъ взглянуть на него: ну, сущій,
 брашъ, орелъ! а натура-шо у него, ка-
 жись, львиная; въ сраженьѣ, говорятъ,
 ужасъ какъ спрашенъ; землю, слышь,
 такъ дерма и деренъ; лишь завидишь
 нехристь, волоса включены словно
 овинъ: нарочно не спрѣжешся и не
 чешешся; глаза какъ казацкая пика,
 и у кого знашь душенка-шо пухо-
 валъ, на сквозь такъ и лѣзущъ; грудь
 широкая, а въ плечахъ? ни дашь ни
 взять, Цыль Муромецъ! — «Въ шшыки!»
 — заревѣлъ вишь онъ, какъ Французы
 вскочили на мосиъ, и пошла пошѣха!
 Одинъ егеръ немного приотскалъ;
 Быстрой пошчасъ схватилъ го на
 руки, и какъ молнія бросился впередъ.
 «Вотъ швое мѣсто! бей и коли вспрѣчъ»

паго и поперечнаго!» сказалъ онъ, поставя егеря къ Французскому носу; егерь пріосамкнулся, пріободрился, и Французскій носъ на семь свѣшъ шабаку ужь болѣе не шохалъ!

Потеря наша подъ Тарушнимъ велика шѣмъ только, что убитъ храбрый Корпусный Генералъ Багговунтъ, о которомъ плачутъ офицеры и солдашы: предобрѣйшій былъ — де командиръ! Вошъ, брашъ — какъ эти чудаки служатъ: лишь разстегнули у покойнаго мундиръ, а въ боковомъ карманѣ и лежишъ письмо къ самому Государю, гдѣ онъ молишся, не оставишъ хозяйку и сиротъ его! Смало бышъ сердечушко чуло невзгуду? а вильтвуть душею, какъ сынъ Церкви, Багговунтъ не хошѣтъ.

Видя сшоль воистину Христіанскіе прихѣры, скажи, Лазаревичъ, по

правдѣ, приходится ли нашему брату разсуждать о жизни? Такъ пусть будетъ, какъ угодно Богу, но я лишь первый выстрѣлъ, пошелъ впередъ, а шашъ, куда бѣ кривая ни вынесла!

Кушуровъ хотѣ и не близко стоять, а чугунныя просвирки и къ нему до-
лещали. При Главной квартирѣ больно
скучающъ объ артиллерійскомъ офи-
церѣ Безобразовѣ, который былъ на
ординацахъ и убитъ здѣсь же; молодъ,
а уменъ-де былъ покойникъ, и общалъ
въ себѣ захватскаго парня.

Вскорѣ, чрезъ прискакавшаго курье-
ра, получена здѣсь лакомая вѣсточка,
что Графъ Вишгенштейнъ въ этотъ
же самый день разбилъ Французовъ у
Полоцка, перелетѣлъ чрезъ Двину и
взялъ городъ штурмомъ; вездѣ слыш-
ны одни слова: «ляжемъ костями, но
не осрамимъ земли Русской.» У Вит-

генштайна есиль какой-то Бибичъ (*),
не велика-де ишичка, а поготовъ во-
сшеръ.

«Посмотримъ,» говоритъ Капшанъ
(у котораго я сегодня для посылокъ),
«что-но теперъ выкинешъ Бонапартъ?
Хоть на выдумки онъ и восшеръ, но
придется молодцу верхнимъ-то кон-
цомъ грѣшнаго шѣла чухвиснуть въ
низъ, да попроситься у Русскаго Ца-
ря въ домовый отпускъ; а не то, не
миновашь-де ему Сухаревой башни.

(*) Дибичъ.

П И С Ь М О ХХІ.

Вчерась полученъ приказъ, чѣлобъ не пѣшкомъ итти, а лешѣмъ на новую Калужскую дорогу. Бонапаршу черныя книги сказали вѣшь, что онъ съ арміей благополучно пройдетъ домой чрезъ Кіевъ, а нашъ бравый наѣздникъ Всеславшъ и безъ книгъ смѣкнулъ, куда онъ гнѣшь и шлѣнетъ, пошчасъ прислалъ вѣсть; а шущъ, какъ шущи и понеслись, одинъ за другимъ всѣ корпуса, послѣ и Кушуровъ съ гвардіей. Бонапаршъ лишь къ Ярославцу.—«Шалшъ, Наполеонъ! это не прежняя пора, я те выхвачу всѣ зубы вонъ!» сказалъ Дохтуровъ! — «Бей, ребяшъ, не на животъ, а на смерть!» подхватилъ подоспѣвшій Раевскій! — «Тебл или

меня здѣсь прикроетъ мать сыра земля, но безъ того Калуги не увидишь, другъ скрый,» молвилъ прибывшій Кушзовъ — и . . . забурили, забушевали Сибирскія чугуиныя лѣща, засвистали свинцовые орѣхи; ты безъ труда угадаешь, любезный Лазаревичъ, каково Русскіе дрались, если поразсудить: кто изъ чего хлопоталъ, и кто чего хотѣлъ. Французы врывались въ сторону, въ которой хлѣбъ-соль богата, и чрезъ которую могли бы они пройти домой припѣваячи; а мы поворачивали ихъ на разоренный путь, по которому ворвались, на которомъ зубовъ почистишь не чѣмъ, и гдѣ смерть съ косою и съ сѣкирою ждала нехристей, какъ голодная собака сальнаго куска; изъ нихъ каждый видѣлъ свою собственную бѣду, и на смерть лѣзъ, избѣгая смерти. Мы за

себя не боялись: умирали за родной свой край, не меньше, чтобъ отмститьъ врагамъ за оскверненіе храма Бога и за тяжкое горе батюшки Бѣлаго Царя, желая при томъ избавить досужихъ пріятелей отъ труднаго похода за море, чтобъ и другому не повадно было; неравно вздумалъ бы залезть къ намъ такой же Лыбка съ золотыми пуговками!

Теперь ты видишь прямое дѣло, и знаешь, почему Французы въ Маломъ Ярославцѣ дрались, какъ дикіе звѣри; но въ долгу и мы не остались: они съ нами, а мы съ ними, въ улицахъ города такъ перемѣшались, что ружейный огонь по неволѣ прекратился. Зачѣмъ же стало? принялись въ штыки, — въ ручную, подъ мышку, а накопецъ вцѣпились и въ виски; одиннадцатъ разъ мы очищали Ярославецъ;

одиннадцать разъ Французы врывались въ городъ! Весь день, весь вечеръ провозишсь мы зубъ къ зубу, носъ къ носу, и въ глухую только полночь, какъ зги Божіей не видно стало, выбившись изъ силъ, кому гдѣ пришлось, шутъ и прилегъ; ко многимъ изъ насъ приказъ начальства вовсе не доходилъ, и нельзя было, потому, что въ однихъ улицахъ Французы были ближе къ нашей арміи, а въ другихъ наши спѣлки лежали вплоть къ ихъ бивакамъ; но лишь забрежжало, всѣ встрепенулись, всѣ снова бросающсь — къ буйнымъ головамъ, къ святымъ волосамъ, и грудь только да подоплека всю сюшь знаешь, да и вѣкъ Малаго Ярославца не забудешь! У меня, бранъ, и теперь еще сысалы распухли, а зѣвальцо-шо, кажись, и поднесъ не на мѣсть. — Въ эшомъ сраженіи, ужась

какъ исковеркали Генералу Дорохову ногу, — не живъ, чай, сердечному!

Бонапартъ повелъ было нѣсколько колоннъ въ атаку; всѣ думали, что будетъ вновь жаркое дѣло! Кушуровъ и Государю, вишь, чрезъ Полковника Жареднаго (*) донесъ, что безъ генеральскаго (**) сраженія непріятеля въ Калугу опъ не пустишь; но видно не съ той ноги кума плясать пошла: войска наши спояли въ боевомъ порядкѣ, словно на смотру; все было живо, весело, здорово; всѣ надѣялись, никто не сомнѣвался, и въ глазахъ каждаго солдата можно было прочесть: побѣда! Наполеонъ смѣкнулъ, что дѣло плохо, и повороши на право кругомъ, пустился безъ оглядки на Боровскъ и Вязьму. Говоряшъ, что Кушуровъ, за-

(*) Жандра.

(**) Безъ генеральцаго.

мѣтя отступленіе Французовъ , помо-
 лясь Господу, первѣйшему Спасителю
 Россіи, сказали : «Аминь! Богу слава, а
 тебѣ, бранъ, неугомонному дитяткѣ,
 всемірному завоевателю, вѣчная па-
 мять! Теперь ужъ ты для меня легче
 пуху! Матвѣй Ивановичъ и Михайло
 Андреевичъ!» молвили онъ Платову и
 Милорадовичу: «проводжайте госней но-
 га въ погу; а мы проселочными доро-
 гами забѣжимъ впередъ, и, гдѣ придет-
 ся, приготовимъ, чѣмъ Богъ пошлетъ,
 важный пиръ.»

П П С Ъ М О XXII.

Въ одно и то же время, какъ непріятельская армія брызнула на утешку, пошли и мы проселочными дорогами къ Смоленску, но проходя въ Ярославль мимо монастыря, ужаснулся, увидя не только ограду, Божій храмъ, но даже и святыя иконы пулями и ядрами въ щепу разстрѣляныя! Богъ попускаетъ злодѣя на всѣ беззаконія, но поглядимъ, какой конецъ будетъ! Изъ Москвы получена вѣсточка, что Генералы Шовайскій и Бенкендорфъ, въѣхавъ съ летучими командами и казаками еще при осаждавшихся въ ней Французахъ, растормошили ихъ по-свойски, опилили тысячу пять человѣкъ въ павъ и болѣе десяти пушекъ.

Нѣсколько батальоновъ посланцы
вишь были съ нашими плѣнными пря-
мо по большой Смоленской дорогѣ, въ
числѣ плѣнныхъ былъ Генералъ нашъ,
Баронъ Вишневгородъ (*) и Полков-
никъ Нарышкинъ; бѣднѣе гнали
безъ сна, безъ пищи, и одна ско-
рая смерть казалась отрадою, но
Богъ, къ спасенію ихъ, послалъ ухар-
скаго наѣздника Чернышева, имѣвшаго
подъ командою летучій отрядъ заи-
хвашскихъ удалцовъ; онъ лишь про-
нюхалъ, что наши въ горяхъ и въ не-
волѣ, срѣлой примчался и дѣло - то
выворотилъ съ изнанки на лицо: Рус-
скіе страдалцы запыли: *Взбранной*
воеводѣ побѣдительную! а пришлеця
обратились въ прахъ.

Хвалятся, братъ, и намъ нечѣмъ;

(*) Вишневгородъ.

правду сказать, не масляница и для насъ была! Верстѣ по шестидесяти откашывали мы въ сутки, чтобъ не опоздать на встрѣчу; но Французовъ подъ часъ и жалко было! словно въ щикъ злокоманные двигались; нельзя было за нуждой отворочиться безъ опаски; ужъ о томъ не говорю, что Платовъ съ копницей, Милорадовичъ съ пѣхотой, Графъ Орловъ съ опрядомъ, наѣзники съ командами и съ отвагой на каждомъ шагу, или заграждали имъ путь, или, догоняя, заставляли останавливаться и огрызаться; но мужики, бабы и даже ребятишки, Богъ вѣсть откуда, словно саранча налетали, и на ружейный только выстрѣлъ — безъ угомону ихъ тревожили, а чунъ кто отдѣлился, и поминай какъ звали! У Колоцкого монастыря, Бонапартъ попробовалъ было осна-

новиніся, и за грубость, вишь, хошѣлъ поколоти Платова; но заплаша ему безчестья 62 пушки, прокомандовать: шире шагъ!

Но вошъ ужъ мы поравнялись съ Краснымъ, а пальба слышна на большой дорогѣ позади насъ. — «То-то, ребята, пошѣшимся!» заговорили офицеры, которые, отъ самага Ярославца ни разу не были въ пѣхъ и зѣбли вмѣстѣ съ нами, *«одѣялся сѣтломъ яко ризою!»* Осень, какъ нарочно, наступила прехолодная; часенъко перепархивалъ снѣжокъ, поля уже забѣлѣлись, а у насъ подѣ часъ не было дровъ, чшобъ капу сварить; и ихъ благородіа не па пушку поизвешошали; другіе (знашь новички) и хлѣбцомъ не запаслись; деньги-то и есть, а купить не у кого; маркишаншы къ намъ рѣдко довзжали; лишь появляшся съ провизіей, заднія

войска на расхватъ и подымуть; ну
вошь и кормишь ихъ своими сухарями!
Грызуть любезною, да еще и похва-
ливаютъ! И грѣхъ и смѣхъ, бывало, съ
этими дворлячками! — а храбры по-
спрѣляша, да за то вѣдь и любишь!

П И С Ь М О XXIII.

За городомъ Краснымъ, при селеніи Добромъ, лишь успѣли одну часть арміи растянуть какъ тенѣта, другую разбросать по разнымъ мѣстамъ, чтобъ можно было давать помочь, гдѣ нашимъ придетъ не въ могому, Бонапарть и пахлынулъ; да какъ завидѣлъ, что его объѣхали, вошъ онъ и ринулся, чтобъ прорвать и провалить прямо грудью! Но прямо снояла грудь Русская! Сухи, брашъ, орѣхи, неравно испортишь зубы! Онъ открылъ со всѣхъ сторонъ адскую пальбу; земля, кажись, зашпонала и небо загрохотало; но вездѣ Русскіе огонь выдержали, всюду молодецкимъ штыкомъ напоръ осшановили, и вдругъ во всей линіи

попятились назадъ! Вошь шутъ, чай, и по неволѣ Бонапаршу померещилась старая пословица: всякой сверчокъ, знай свой шестокъ; какъ бы сидѣлъ дома, не зналъ бы горя, а теперь какъ быть, куда дваться? Шахъ и матъ! кричали наши начальники! Долго еще онъ оуешился, и шуда и сюда кидался, но видно ужъ зашелъ умъ за разумъ, да и машина-то не хватила. — «Капуть!» сказалъ вишь онъ, задалъ коню шпоры и удралъ прямо въ Оршу, оставя корпуса спасаться, какъ Богъ по сердцу положитъ; а шутъ случись же на бѣду, что Милорадовичъ империалистъ; нѣкоторыя полки, въ командѣ его бывшіе, какъ водится, поздравили любимаго, знаменитаго своего Генерала съ днемъ Ангела; онъ хватъ въ карманъ, а денегъ ни алтына. «Дарю вамъ, друзья, вошь эту непріятельскую колошу, (не

въ далекѣ бывшую); она ваша, товарищи!» сказалъ Милорадовичъ. — «Ура!» раздалось въ воздухъ. Не успѣвъ прехъ перечесать, а колонны, какъ будто не бывало. «Важная продѣлка!» закричали солдаты иныхъ корпусовъ (у которыхъ разгорѣлись зубы): «да вѣдь и наша денежка не дербаша! мы — по чѣмъ же согрѣшили?» Дошло, братъ, и до ропоту; что дѣлать? Тотчасъ всѣ начальники назвались именниками, и грозная, страшная предъ симъ Наполеонова армія обратилась въ именнинные подарки! Царица небесная! какихъ чудесъ на бѣломъ свѣтѣ не бываетъ? («Это значитъ: кошки игрушки, а мышки слезки!» сказалъ Вавила Пафнушичъ, стоявшій за версту отъ дѣла съ церковными книгами въ котомкѣ чрезъ плечо.) — Чудное, братъ, Лазаревичъ дѣло! вѣдь Фран-

пузы какими были, таковы и ешь! Бусурманъ умираешъ, а ногой все дрягаешъ; ружье-то у него въ рукахъ такое же, не болваномъ опъ стоишь, штыкомъ также какъ и я работаешъ, а все не то; дарепаго - то заколешь какъ-то и смѣле и ловче. Доспалось, братъ, невѣспикъ на опмешку, и если изъ числа пришедшихъ сюда непріятельскихъ войскъ спаслась половина, то конечно не въ колоннахъ и даже не въ кучкахъ, но просто въ разсыпную, къ чему пособляли имъ лѣсъ и рѣка, кошорая только что замерзла и чрезъ кошорую переходя, многіе помогули; наше дѣло было, по старому повѣрью, разбить въ пухъ, а для убѣгающихъ были казаки, которые въ цѣлый день не переспавали доставлять опбишья пушки, знамена и дру-

гіе прочіе военные снаряды! Но о
пльвиныхъ и говоришь не сповишь.

Передъ вечеромъ Кушуровъ обѣ-
халъ всю армію, благодарилъ каждый
полкъ порознь; но вошъ къ слову при-
шлось: а благодарить онъ куды ма-
стеръ; шакъ и выпянешъ душу на
самой кончикъ носа! Слушаемъ, не ды-
шимъ и ногъ подъ собой не слышимъ;
вѣдь создастъ же Богъ экаго чело-
вѣка! Онъ, право, дия два, три прокору-
мишь добрымъ, Русскимъ привѣпли-
вымъ словомъ, за кошорымъ въ кар-
манъ, какъ говоришся, не лазишь, и
къ солдатскому сердцу большую доро-
гу знаешь.

П И С Ь М О XXIV.

У Гвардіи Кутузовъ лишь слѣзь съ коня, да сѣлъ у огонька на барабанъ — и обляпал шарика Генералы, Штабъ и Оберъ-офицеры, всѣ гвардейскіе солдаты; и я подъ шумокъ пріютился нуда же. Спаситель отечества (какъ стали называть его всѣ, большіе и малые), оконча благодарность къ разнымъ окружающимъ его лицамъ, молвилъ: «За всѣ послѣдствія, столь счастливыя и блестящія, послѣ Бога, обязаны мы геройской твердосии Государя Императора; примѣра еще не было въ Исторіяхъ Державъ, чтобъ кто либо предупредилъ равномерно постояннымъ (и выше человека поставившимъ его) самоопроверженіемъ.» Рѣчь сію перервалъ

Казачій Полковникъ Лазаревъ, привезшій отъ Анапана Пашова какой-то Маршальскій жезлъ, у непріятеля отбитый, который радости не прибавилъ, но разговоръ перемѣнилъ.

— «Вошъ минуша, въ кошорую Армія Благословеннаго Александра точъ въ точъ подобна торжествующему ополченію Дмитрія Донскаго на Куликовомъ полѣ!» сказалъ Генераль Лавровъ; съ симъ вмѣстѣ ура! огласилось въ Гвардіи; ура! пронеслось по всей Арміи; ура! повторилось на всѣхъ пикетахъ, во всѣхъ обозахъ и, переливаясь отъ одного къ другому Русскому, отозвалось и въ передовыхъ сторожевыхъ полкахъ.

Если ты не знаешь, что такое Куликово поле, что Дмитрій Донской и Мамай, Царь Татарскій, то попроси растолковать себѣ соборнаго Про-

мою; нынѣ ихъ всему учать, а насъ, бранъ, съ этой сладкой Русской былью давно уже познакомишь Генералъ, который, если послужишь въ полку еще годъ, другой, такъ можно ошвѣчать, что солданы будутъ вѣдать, кто, когда завоевать Царьградъ и сколько лѣтъ Греки страдаютъ въ неволѣ, не имѣя власпи въ собственныхъ женахъ, чѣмъ хотѣлъ было Бонапарть обездолишь и насъ грѣшныхъ!

Часъ битый гремѣло ура! шапки гвардейскихъ солдатъ взлетали къ облакамъ, на лицѣ каждаго Русскаго словно напечатано было: Христось воскресе! Весело! мило! — Да о чемъ же изъ глазъ слезы ручьемъ текутъ и у Фельдмаршала и у насъ? спросилъ я у гвардейскаго унтеръ-офицера, аршина въ три ростомъ, который, рыдая, всхлипывалъ.—«Хорошъ ты, если не

плачешь, мокрая курица!» сказалъ мнѣ великанъ, (кинувъ взоръ къ своему тесаку, съ которымъ равнялась моя голова, и которую я нарочно опрокинулъ назадъ, чѣмъ опъ увидѣлъ мои слезы и не далъбы шуза!):—«ты слышишь, что рѣчь зашла о святой старицѣ,» продолжалъ великанъ:—«не мы первые спасаемъ свѣтлую Русь? Покойные дѣды и пра-дѣды наши не хуже насъ управлялись и съ дикою Чудью и съ заморскою сволочью, а не такъ, — гдѣ бы намъ бытъ на бѣломъ свѣтѣ! Свое родное дорого; ты видно забылъ, какъ Москву-то опдавали?—Тутъ, братъ, такъ схватило за живое и такой задаю презвонъ душѣ и сердцу, что и небо съ овчинку показалось. «Съ послѣднимъ словомъ схватилъ великанъ горсть земли пополамъ съ снѣгомъ и, цѣлуя оную, примолвилъ: «Вонъ она, матушка,

Русская земля, холодна — да своя родная! Не надо мнѣ и Царскихъ палатъ за-моремъ; не троить моей курной избы! я Русскою, и счастливѣе быть не хочу....» — Но кончить всю рѣчь его — и языкъ бы не поворотился.

Вѣдь дернула же меня нелегкая, завесить съ посрѣдомъ разговоръ, думалъ я: голосъ, какъ сатана изъ бочки лѣзешъ; весь затрясся, на глазахъ, вмѣсто слезъ, кровь выступила; ну такъ, что во мнѣ всѣ жилки запрепешали; того и гляжу, что, вмѣсто Француза, скорчитъ онъ въ шри погибели меня горегорькаго; по счастью, Свѣплѣйшій всталъ, великанъ оборотился въ ту сторону, а я, поджавши хвостъ, пушка-сь къ своему ранцу безъ оглядки и.... насклу опомнился! ужъ весела была бесѣда! есть чѣмъ помянушь чадушку,—демонъ сущій, про-

сти Господи! Ну сохрани Царица Не-
бесная, коли бъ и Французы-то эда-
кіе же были!

П И С Ь М О ХХУ.

«Здравствуйте, отецъ и командеръ!» сказалъ нашему Генералу подъѣхавшій къ полку на походѣ, знакомый Адыю-таншъ Кушужева: «поздравляю съ прошедшими имѣніями и знаменитою побѣдою!»—«Благодарю, любезный землякъ, и радуюсь, что вижу васъ послѣ вчерашняго пира, который безъ сомнѣніи недешево намъ стоишь,» молвилъ Генералъ.—«Напрошивъ: наша потеря весьма незначительна,» продолжалъ Адыю-таншъ: «убишь Л. Гв. Егерскаго полка Полковникъ Графъ Грабовскій, а офицеровъ и нижнихъ чиновъ болѣе легко раненыхъ, пошому, что дѣло началось и кончилось почти на однихъ только

шшыкахъ, а на шшыкахъ мы — старые прослесари (*).»

«Можно ли спросить не о томъ конечно, сколько убишыхъ, которыхъ счесть нельзя и не счоншъ, но сколько взяно Французовъ въ павы, и какіе отбнышы профимы (**)?»

«Извините, Ваше Превосходительство! Чшобъ нечпсаншъ все это въ настоящее короткое время, не пособишъ ни какал мани-мачиха (***) ; и теперь еще гоняшъ павныхъ, какъ спада овецъ; везушъ и несушъ профимы, какъ въ дождливое дьшо грибы; а потому дьло сіе окончапательно возложено на Верпелл (****), какъ Воениаго Начальника въ Смоленскъ. Но

(*) Протессоры.

(**) Трочен.

(***) Математика.

(****) На Эртеля.

намъ предстоить другой, не менше торжественный праздникъ: вы знаете, что Адмиралъ Чичаговъ имѣетъ достаточныя средства преслѣчь Наполеону отступленіе, о чемъ въ ночь еще посланы къ нему въ разныхъ направленіяхъ при Фельдъегеря, съ повѣщеніями Фельдмаршала, который, если получашся во время и исполняшся въ точности, мы будемъ имѣть удовольствіе угощать побѣдителя Метроны (*) на Русскихъ бивакахъ.»

— «Солдатскою шюрею,» подхватилъ Генералъ. — «Помилуйте!» продолжалъ Адыюшанинъ: «его же добромъ, да ему же и челою; у насъ шеперь, благодаря успѣхамъ оружія и чуюю славныхъ Донцевъ, отличные Парижскіе повара и какъ закрою полная кухня;

(*) Европы.

можемъ даже позаимствовать и походную Его Французскаго Величества серебряную посуду, въ казацкіе фуражныя шорбы переселившуюся, лишь бы пожаловалъ, да попался въ руки, а за нами дѣло не станетъ: тотчасъ изготовимъ, какое изволитъ хрюкасе (*); впрочемъ, я сколько убѣжденъ въ этомъ событіи и полагаю оное такъ вѣрнымъ, какъ и то, что вы съ полкомъ вашимъ будете сегодня ночевать на сѣгу въ полѣ, а я на навозѣ въ коровникѣ; на станціи нѣтъ ни одной пустой избы, кромѣ бывшей квартиры Наполеона, и занятой Фельдмаршалу; всѣ рѣшишельно наполнены умершими, умирающими и умирающими Французами; по счастью, горе сіе утопаетъ въ душевной радости, возникшей изъ пре-

(*) Fricassé, фриккасе.

восходившаго и богатѣйшаго пшочника, явно предсказывающаго намъ участь Французскаго Императора, долженствующаго соединиться съ нами, если не душой, такъ тѣломъ; и. е. если не собственной персоной, такъ всей своей арміей.» — «Нельзя ли и насъ сдѣлать участниками?» сказалъ Генераль. — «Съ удовольствіемъ,» отвѣчалъ Наструговъ.

— «Изъ памяти и сердца каждаго Россіянина - Христіанина, до послѣдняго звѣка не изгладится конечно Манифестъ 6-го Іюля сего года. — Но нельзя не повторить важнѣйшихъ и безъ сомнѣнія по вліянію свыше помѣщенныхъ въ немъ словъ: «Дополъ не «вложу меча моего во влагалище, доколь не сошру съ лица земли врага, дерзнувшаго войны въ предѣлы мои.....» «На начинающаго Богъ.» — Это первое.

«6-го Августа сего 1812 года, когда Смоленскую Божию Машеръ, при неизбѣжной опасности, выносили изъ собора къ Арміи, по желанію народа, въ большомъ количествѣ спешагося, на городской площади опирались были молебень; и только что Священникъ, читавшій Св. Евангеліе 4-е Луки, успѣлъ заключить оное словами: *«пребысть же Маріа, и съ нею яко три мѣсяцы и возвратися въ домъ свой,»* въ ту жь минушу загрохотали убійственныя орудія, посыпались ядра, и народъ стремглавъ разбѣжался, унося съ собою послѣдніе звуки пастырскаго голоса: *«яко три мѣсяцы и возвратися въ домъ свой!»* Это другое.

«Наконецъ, 6-го Ноября, сего жь самаго 1812 года, слѣдственно чрезъ три мѣсяца ровно, Смоленская Божія Машеръ внесена въ предмѣстіе Смо-

ленска, и на другой день съ причичными почестями водворилась по прежнему въ Смоленскомъ Соборѣ! Теперь, послѣ шретьяго, положите руку на сердце и скажите всѣ крещенные люди, всѣ добросовѣстные образованные Христіане: не видите ли, не чувствуете ли вы движенія Всесвятой, Всеблагой и Всесильной десницы Царя Царей, Всемогущаго Бога, опредѣляющаго грядущую будущность Александру и Наполеону?»

— «Я васъ понимаю, Іона Иикитичъ,» подхватилъ Генералъ, — «и смѣло вмѣсто васъ договариваю: что развращенному только полу-Русскому, полу-Французу, слѣдственно болѣе нежели полускошу, менѣе нежели полу-человѣку, свойственна дерзость, брызнуть желчью на священные уставы Вѣры, мечтать, что столь очевидныя, явные дѣйствія

Творческой воли суть игра слѣпаго, неопредѣленнаго случая. Чувства мои, съ избыткомъ пораженные удивленіемъ и благоговѣніемъ, постигая важность торжествующей Религіи, рѣшительно согласны съ вашими, любезный землякъ, и послѣ свершившагося слова Бога, исполнятся безъ сомнѣнія слова и Царя Помазанника его.»

—«Ура! отецъ и командиръ! честь и слава сердцу вашему!» прокричалъ Наструговъ и исчезъ; Генералъ тоже уѣхалъ впередъ, а мы версты двѣ прошли, не молвя и двухъ словъ. «Экъ опъ насъ ошеломилъ!» сказалъ наконецъ Ручкинъ: «признаться, ребята: ужъ при экой оказіи не для чего и въ книгахъ рыться; шоваръ наружъ, думай и передумывай, — а дѣло столь ясное, святое. — Какъ нибудь не сдѣлается! Евангеліе-то, Богъ вѣдаетъ, когда съ

неба сошло, а случилось это вѣдь теперь только; такъ шутъ одному богошступнику придетъ блажь въ голову, а намъ толковать не о чемъ, — кромѣ того — что помолитъся Господу Богу, сподобившему насъ дожить до экаго явленья! Послѣ чего всѣ мы сѣли кивера, перекрестились и ото всей души поблагодарили Царя Небеснаго! Въ слѣдъ за сѣмъ, Скородумовъ дернулъ на рожокъ, Алексѣевъ далъ голосъ, пѣсенники подхватили, и ошивали бравую скоморошную новую пѣсню: За горами, за долами, Бонапарте съ плясунами.

П И С Ь М О XXVI.

У Свѣтлѣйшаго съ начала войны, находящся на ординарцахъ Поручикъ Кушниковъ, который Генералу, вѣшь, съ родни; сегодня, прѣѣхавши повидашься, только что вошелъ онъ въ ригу, въ которой ночевалъ весь нашъ полкъ, да и охлеспуть насъ вѣсточкой, чѣмъ другой вѣкъ не слыхашь. «И привезъ къ намъ большое горе,» сказалъ Кушниковъ Шефу: «ужь то не бѣда, что Наполеонъ прорвался и ушелъ; но горе за Кушкова, который такъ разстроился неудачей, что захворать даже, сердечный! Да и ешь онъ чего: какъ прочли ему эту проклятую бумагу, онъ, забывшись, такъ хващилъ кулакомъ по ешолу, что доска по поламъ

разлетѣлась, да и кулаку-то не прой-
дешь, чай, даромъ!» — «Порывъ сей
извинишеся», сказалъ Гепераль: «онъ
свойственъ всякому истинному сыну
Церкви и Отечества! Таковымъ же
почти иногда движима была душа Нѣ-
мецкаго Апостола Мартина Лютера,
когда онъ пусшилъ чернилицу въ
чорта! Это значить, что и самому
умнѣйшему человеку трудно предпи-
сать себѣ равнодушіе въ дѣлѣ Вѣры,
чести и отечества!»

Но неужели и вся непріятельская
армія успѣла безъ вреда переправить-
ся чрезъ Березину? «Пшущъ, что съ
большою и даже непомѣрною поше-
рею», продолжалъ Кушниковъ: «однако жъ
Наполеонъ не одинъ и не для одного
себя сооронилъ два моста; само по
себѣ разумеется, что и при непомѣр-
номъ счастьи, мосты сіи не дешево

ему стоять; не менѣе того, крайне удивительнымъ кажется успѣхъ его— при тѣхъ легкихъ способахъ, каковыя въ подобномъ случаѣ неисчислимы на сторонѣ занимающаго противоположный берегъ и препятствующаго переправѣ, къ чему и самая рѣка представляла важныя пособія ужасными глыбами льду, по ней плывущими; но Чичаговы или вовсе не умѣли воспользоваться предлежавшими ему средствами, или варварски были обмануты!»—«Послѣднее вѣришь», сказалъ Генералъ: «отличная служба Чичаговыхъ оцѣнена въ Россіи не нынѣ; впрочемъ безъ ошибки вѣкъ не проживешь. Кто бѣжитъ, тому одна дорога, а кто ловитъ, тому много путей.»—Тутъ закричали: выходи! и чѣмъ кончился разговоръ, не знаю; но на походъ пріютившійся къ намъ знакомый Спирочкину казакъ, изъ сторо-

жевыхъ полковъ въ Главную квартиру
присланный, всю подгоготную показать
намъ, какъ облученное яйцо.

Лишь только заморской проказ-
никъ вышелъ изъ Москвы (сказать
разудалой Донецъ), шо и началъ онышъ
выкидывать штуки; вѣдь подъ Ярослав-
цемъ наши казаки совсѣмъ было его
схващили; ужъ онъ почти въ рукахъ
былъ; одинъ только мигъ осмѣивался:
вдругъ окаянный оборотился дроздомъ,
порхнулъ, и сгинулъ! Вотъ и теперъ
шо же: вѣдь войска наши были на чѣку
и ждали его какъ праздника, но пу-
снись, слышь, клятвопреступникъ цѣ-
лую тучу чертенытъ, по-Французски
одѣтыхъ къ Старой Березѣ, да и
ведѣтъ имъ морочить нашихъ со всѣхъ
сторонъ, а самъ кашпуть въ Веселую (*),

(*) Въ Веселово.

да и переправился у холодка (*), хоть и не одна де тысяча изъ арміи его юркнула въ рѣку, кормишь собою раковъ! Да и онъ нашему Генералу Чаплицу задалъ память: ушеръ, слышь, ему носъ, схватилъ за ноги и отбросилъ, говоряшь, куда-то къ Сстрахову(**), да сполать Витешшейну, подоспѣвшему изъ Полоцка: эштоъ молодець все дѣло поправилъ; онъ до того билъ и громилъ бусурмановъ, чшо одна дивизія, положа ружья, сдалась въ плѣнъ; а другую, кошорая поупрямилась, подогнавъ къ рѣкѣ, велѣлъ просто живьемъ столкнуть въ воду; вошь - те пѣсня вся и плясать нельзя!

Поровнявшись съ Борисовымъ, узнали мы, чшо при холодѣ, который со

(*) У Студенки.

(**) Къ Сстрахову.

вчерашняго дня важно спать напоми-
 нать намъ о своей родной Россіи, а
 Французамъ, что они въ гостяхъ, на
 чужой сторонѣ, — вся Наполеопова
 армія; чрезъ Березину переправившаяся,
 разбрелась, какъ безпастушное ста-
 до: команды не стало, порядокъ исчезъ
 и каждый спасается по своему, толь-
 ко ужъ безъ пороха и безъ штыка! Те-
 перь, братъ, и мы безъ ошибки можемъ
 сказать: этой большой, огромной,
 страшной арміи, которая ввалила къ
 намъ, какъ грозная туча со всемірнымъ
 потопомъ — вѣчная память!

И П С Ъ М О XXVII.

Нужно ли, полно мнѣ, рассказывать другу моему Лазаричу, какъ наказаны Всемогущимъ Богомъ преступные бурсмацы? Война дѣло обыкновенное: кто съ кѣмъ не воюешь? гдѣ не дерулся по поздримъ и гдѣ не подчуюшь другъ друга подъ микитки? но въ ссору человѣческую не приходится впутывать Творца милосердаго. Не сойдемъ даромъ никому съ рукъ, кто шумитъ законами Царя Небеснаго, всевидящаго и всеслышащаго, и кто полагаетъ руку на святыя иконы, или не уважаетъ свяшаго храма Его! — Давно ли, кажись, было, что Французы обрывали ризы и сжигали въ нашихъ церквахъ коношны! — Теперь эти же Французы про-

слятъ у насъ пищи, и какиѣ, ты думаешь лзыкомъ? «Кирiesta рады!...» полно, не могу болѣе говорить!... да и что бѣ я ни сказалъ о сшоль важномъ, великомъ дѣлѣ, значишь: вынулъ бы одно только зернышко изъ полнаго, набитаго хлѣбомъ анбара!

Взглынемъ разомъ на весь бѣлый свѣтъ, посмотримъ, что въ немъ пасаждено, пасѣяно, какиѣ педоспаешъ еще плодовъ и чудесъ? — и наконецъ подумаемъ: чѣмъ бы снѣ на это хватило? но для десницы Спасишеля нашего Іисуса Христа, создашь и разрушишь, пужень одинъ мнгъ! а мы, глупыя, скаредныя твари, осмѣливаемся подѣ-часъ ломать пустую голову, умничаешь, судить и пересуживаешь непостижимыя намъ дѣла Его! а что и того хуже и грѣховоднѣе, позволимъ себѣ мысль, что подыме, святой Вѣръ

прошивные поштуки и лешвердая въ насъ присяга укроется отъ пронца-шельнаго взора Сердцевѣдца, и что мы отдѣлаемся безъ наказанія!

Нынь, пріѣхали! не такъ! скорѣ Волга пошечешъ обратно въ Тверскую Губернію, чѣмъ обманемъ мы Бога!

Нынь, не по прежнему, на ученыхъ людей слава Богу недоспашка нынь; число грамошныхъ часъ отъ часу увеличивается; а масперешво всякаго рода такъ цвѣшешъ и зрѣшешъ, и съ такимъ успѣхомъ лѣзешъ въ гору, что въ сшарину у насъ и надъ лаптями немного поболѣ голову ломали, неже-ли въ шеперешнее время надъ часами, копорые, гдѣ ни послышишь, то сту-чатъ, то звеняшъ, то кукуютъ; а по трактирамъ есть такіе, что и казачка проклашые взвариваюшъ. Ну,

право, досыта напляшешся, кому понадесть булава въ голову! Къ слову скажу тебѣ, не солгу, а и самому все еще не вѣрился.

Однажды на походъ ночевали мы въ селѣ, молодому еще, но какъ дупь свѣдому барину принадлежащаго; посреди села преогромный прудъ, на пристинѣ мельница и суконная фабрика; мы ходили смотрѣть, и что же? Снаружѣ два колеса вертяшся какъ и вѣзды, а внутри: въ одномъ мѣсятъ рожь изъ воевъ сыплешся сама, мука въ мѣшка набиваешся сама, и мѣшки на шельгу укладываются, сказываютъ, сами же! Въ другомъ: шерсть бьешся безъ людей, чешешся, прядешся, моетешся и онуешся безъ людей; половинки шкутся, слышь, безъ народа; потомъ, (хоть мы и не видали), но говорятъ, что эти половинки ухващаютъ

ся за крючки, да и переползуть въ краску сами, а выкрасясь порядкомъ, и высунатся, и выспригнутся, скатаются себѣ, и дѣлу конецъ!

«Да что же вамъ — что остается?» спросилъ я надсмотрщиковъ. — «Бѣхати на базаръ, продашь сукно, да взять деньги,» отвѣчала мнѣ фабричная синяя фигура. — «Ну такъ у васъ здѣсь просто дьявольщина!» — «Нѣтъ, служба, не грѣши,» подхватилъ подошедшій бурмистръ: «ко всему прилажены машины; сперва и мы то же думали, какъ только дѣлались пробы; но какъ пришло къ заправской работѣ, баринъ презвалъ попа, отслужилъ молебень съ возосвященіемъ, велѣлъ окропить все сшрое-ніе, и струменшы, что и маковой росинки не осталось, гдѣ бѣ чоршу можно было спрятаться; шакъ послѣ этого унаси Господи дурное молвить!

Хоть выдумка-то, (нечего грѣха таить), и заморская, но дѣло, братъ, чистое.»

Вотъ до чего мы дожили, и какіа на святой Руси явились причуды! Но коли въ этихъ причудахъ нечистая сила не въ долѣ, почему не учимся? Давай Богъ ума, да разума: полезное перенимать резонъ! Не однимъ же чертямъ, прости Господи, горшки-то обжигать! Науки не тяжела и не громоздкая ноша, ни въ куль, ни въ ранецъ не укладываются, плечей не трутъ и голова отъ нихъ не пухнетъ. «Напротивъ того (слушай, какъ Генераль говоритъ) науки кладъ; онѣ ползруютъ человека, открываютъ въ немъ понятія и способности; науками пріобрѣтаются избытокъ и изобиліе, составляющіе счастье людей во всемъ всѣхъ и разнѣ каждого. Но при

вѣхъ высокихъ наукахъ (шолкуентъ
 онъ), къ торгамъ и промысламъ от-
 носящихся, отнюдь не слѣдуетъ уми
 и сердце отучать отъ святой Вѣры,
 главнѣйшее блаженство людей сосща-
 вляющей! Все, о чемъ рѣчь шла выше,
 есть дѣло людское, святая же Вѣра
 есть дѣло Божеское! Пусть, скажи,
 кто нибудь изъ полузаморскихъ фо-
 кусниковъ выучился проникать со-
 кровеннѣйшія тайны, въ природѣ су-
 ществующія и одному только Всемо-
 гущему Творцу извѣстныя! Пусть
 произведетъ дождь, окропитъ поля, въ
 засухѣ страдающія, упрочитъ благо-
 словенную жатву, устроитъ благо на-
 рода и предупредитъ бѣду, (вонъ какъ
 пораскажутъ, въ Писерѣ, и какъ при-
 насъ въ Масальскѣ случилось, помнишь,
 какое ужасное было наводненіе?) Пусть
 слазятъ шуда, отколь въ различныхъ

явленіяхъ ниспосылающіяся къ намъ и
 благодать и гивъ Господень! Нако-
 нецъ, пусть снесетъ съ неба новый
 уставъ Вѣры и объявитъ новую волю
 Вседержителя! Но и тогда обязанно-
 сти къ присягѣ могутъ перестроить-
 ся на иной ладъ; но не могутъ сдѣ-
 латься менѣе важны, менѣе священ-
 ны!— Умъ—даръ Неба! сокровище сіе
 ввѣрлется намъ къ общей пользѣ че-
 ловѣчества! Получившій драгоцѣнный
 даръ сей неизбежно поставленъ въ
 священную обязанность уплатить
 долгъ Творцу, сливая пеструю паноплію
 людей ограниченныхъ, дальнихъ, въ
 общій сосудъ вѣры, надежды и любви;
 иначе подобный челоуѣкъ не стоить
 выведеннаго лица! Выпните въ стро-
 гость законовъ, существующихъ между
 ичелами въ ульѣ; посмотрите на по-
 рядокъ и устройство сего маленькаго

царства, на трудъ и повиновеніе подданныхъ къ матери-царицѣ сихъ дивныхъ трудолюбивыхъ твореній! Честію увѣряю, что человекъ, не твердый въ Вѣрѣ, но съ умомъ, съ душою и съ сердцемъ, покраснѣетъ, раскается и исправится, оставался на всю жизнь благодарить благороднымъ мухамъ которыя за море не летаютъ, а волю Творца своего, едва ли не лучше людей знаютъ. Пусть, еще разъ скажу, кто нибудь изъ блудныхъ дѣтей природы произведетъ новое, пчелиному подобное царство, и покажетъ чудо сіе успію человека покорившимся; тогда и мы вмѣстѣ съ нимъ подумаемъ, какъ дѣлу бытъ.» — Ну, ужъ прошивъ этого, братъ Лазаревичъ, сказать точно нечего! Генералъ рѣдко говоритъ о пчелахъ; видно, что за ними не хаживалъ, а я съ покойнымъ

ошцемъ до службы, живмя жить на пчельвикѣ, и пречудныя диковинки знаю, такъ, чшо мурашки по кожѣ за-ползаюшъ, коли все перескажашъ. Въ ульѣ-шо, брашъ, такія подъ часъ перевалки идущъ, чшо и Боже упаси! Чунъ кошорая не въ решпехтѣ (*), или замѣчена въ дѣлности, — тоишчасъ крылья прочъ, а эшо все равно, чшо нашему брашу голову ошляпать.

Я люблю слушашъ, когда Генераль учиншъ насъ: рѣчь у него всегда умная, поняшная, и доказательства вѣрныя, неоспоримыя, но, между нами будь сказано, Вавила Пафнушьичъ, по моему, не хуже его дока! Лишь ошались мы одни, а онъ и высупилъ впередъ. «Ка-лякаль Его Превосходительство шо-го, а вѣдь начало-шо вышло безъ конца,

(*) Создашское выраженіе.

(молвить Пафнутичъ), чшобъ вколо-
нишь правду машку въ душу каждаго
изъ насъ, надобно бы сказать поко-
роче, да пошолще, ну о чемъ шутъ
шолковашъ?

«Если каждая устроенная хаша
имѣетъ своего хозяина, (безъ кошо-
раго ея бы и не было), то конечно
есть и Создатель міра, безъ коего не
стоялъ бы и міръ сей! А пословица
лено говоритъ: что въ Россіи и въ
Польшѣ, хозяина нѣтъ больше! Мы и
простые люди, но зашѣйшвы, ча-
сшенько даже и за сущую бездѣлицу
сердимся, бѣсимся, и Богъ знаетъ за
что колошмашимъ, если не людей,
такъ бѣдную скотину! А что въ бла-
гой часъ достаешься отъ насъ дражай-
шимъ супругамъ нашимъ? Иное мѣсто,
такъ ей сердечной хохоль натрешь,
что бѣдняжка, словно угорѣлая, и въ

сѣицы не вдругъ сльдъ сыщешъ, — бышь по моему, да и шолько, говоримъ мы!... А кто же мы? едва мыслящіе, жалкіе сѣицы, ну просто на просто ползающіе черви; можно ли же послѣ сего забышь Вѣру, испосланную Виновникомъ бышій нашего, Господомъ Вседержителемъ, измѣнить присягѣ и позволивъ себѣ преступную дерзость сказать: не быть по власши Божіей!» — «Стой!» заревѣлъ во все горло осерчавшій Пафнушеньчъ: «опомнись, несчастная шварь! подлая, ничтожная паутина, образумься! и со слезами горести и скорби умолай о прощеніи, помилованіи и спасеніи поганой души твоей. Благъ Господь и милосливъ! Онъ не отвергаетъ чистосердечныхъ расканій грѣшника, и — на примиреніе съ Отцемъ Небеснымъ всегда не поздно!»

«Къ кашамъ!» прокомандовалъ дежур-

ный: «прощай брань; желудокъ разсудку не всегда вѣрный другъ; у него свои машины. Вошь,» Лазаревичъ, было бы славно, если бы заморскіе хитрецы выдумали этому неугомонному желудку какую нибудь музыкальную дудку, чѣмъ бы онъ пѣсенки слушать, а хлѣба не просить. Шутки ли спойте! въ одинъ только годъ, по меньшей мѣрѣ, семь сошъ разъ придется удовлетворить неослабнымъ его требованіямъ: сколько надобно провѣянна? А чего это спойте бѣднымъ зубамъ? Ужъ подлинно онъ души сказалъ бы проказникамъ спасибо, избавясь онъ докукъ и ежедневныхъ хлопотъ! Но куда они дудку-то выдумываютъ, а теперь поспѣшимъ, чѣмъ бы не просыла мать наша каша.

П И С Ь М О ХХVІІІ.

Березина загружена обозомъ и шѣлами утонувшихъ въ ней бусурмановъ; намъ запрещено и воду брать изъ рѣки. Вершины, слышь, на двѣ дорога загромождена была повозками, навьюченными Московскимъ добромъ и церковною утварью. Но несправедливое созданіе не пошло въ прокъ, и всѣ сокровища, какъ хмель взялъ! А слѣдуя далѣе къ Вильнѣ, пришлось увидѣть всѣ ужасы, каковымъ бывають обречены и преданы безбожные люди. Бонапарть и Французы злодѣи наши; но не было дил, чтобъ мы не плакали, видя несчастія и бѣды нашихъ враговъ своихъ. Не родился человѣкъ на бѣлый

свѣтъ! Свое горе отъ сердца отлегло,
а чужое на сердце упало!

Вдругъ видишь цѣлый лагерь умершихъ солдатъ; а между большими сонными окосневшихъ, десятокъ, другой шевелящихся, слышащихъ наше движеніе, желающихъ попросить помощи и пищи, но лишенныхъ уже силъ говорить. Они мычатъ только непонятнымъ гуломъ и отъ рѣдкаго услышишь: *дуйпель!* а нѣкоторые вычленись и просятъ ужъ *кѣмба!* но какъ пособить горю нельзя, то и отворачиваясь въ другую сторону; а тутъ опять тѣ же полузамерзшіе, завернутые въ юбки, въ тряпки и въ сырыя, содранныя съ убитыхъ лошадей шкуры; часто видишь, что у шагающаго безъ всякой уже мысли полупокорника шапкою укутана нога, а снятыми съ умершаго товарища паша-

лонами обвернута голова. По счастью, большая изъ нихъ часть бродитъ, не имѣя ни памяти, ни понятіа, ни чувства! Нѣкоторые, собравшись съ послѣдними силами, раскладываютъ огонекъ, начинаютъ грѣться, да и сгорѣвъ вмѣстѣ съ хворостомъ и дровами; а у кого есть еще силы, лишь завидя Русскихъ, бѣгутъ къ намъ, и радн, бѣдные, какъ будто своимъ! Ну, ужъ экому-то, братъ, отъ сердца ошорвешь, а подклншься: чѣмъ Богъ послалъ! Да правду сказать: мы таки рѣдкимъ и ошказывали, покуда могли.

Лежачаго не бьютъ (какъ говорится); а пужда и рукавицу съ варгой сродила. Кромѣ того, винованъ, Лазаревичъ! мнѣ правнтся ужъ подлинно военный въ нихъ обычай: вѣдь, холодно, голодно, живошники у окалнчныхъ пуспехоньки, пашлось бы мѣсто насѣдкѣ и съ яйца-

ми, — а заморской чести не роюшъ: руки всегда держашъ въ карманъ и плюютъ вѣчно черезъ зубокъ!

Третьяго дня еще получено, слышь, донесеніе, что Вильну занялъ славный, неутомимый нашъ наѣздникъ Всеславинъ, который выдержалъ жаркое сраженіе, получилъ жестокую рану, но побѣдилъ враговъ и овладѣлъ городомъ.

Вчера, лишь вступили мы въ Вильну, потчасъ лучи опъ краснаго солнышка обогрѣли наше сердечушко; пронеслась милая вѣсточка, что Царь Государь себя намъ покажетъ и на насъ погладишъ; я самъ видѣлъ уже многихъ изъ Писера прѣхавшихъ Царскихъ Генераль-Адъютантовъ. Поляки суешился и пригошовающа встѣчатъ Его; но съ нашей стороны все батюшкѣ Православному Царю приготовлено: мы передъ Царскою главою,

какъ лиснѣ передъ правою, спашемъ съ чистою любовью, съ преданною душею, съ пламеннымъ сердцемъ и съ готовностію лѣтъ вновѣ, куда прикажетъ! Стало бытъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и ради.

На молитву, братъ Лазаричъ! становись на колѣни, и молись Всеблагому, Непостижимому, Милосердому Русскому Богу! Не успѣлъ я и письма кончить, какъ Государь прибылъ, а вмѣстѣ разнеслась по всему городу и вошла въ сердце каждаго Русскаго торжественная радость: пришелъ-де рапортъ отъ Атамана Платова и отъ набѣдниковъ, что всю иностранную сволочь, которая могла еще передвигать ноги, выгнали они за границу; что Бонапартъ ускакалъ въ Жидовской бричкѣ за море, и что ни одного бусурмана на святой Руси съ оружіемъ

въ рукахъ не осталось, — ошлились
коровкѣ медвѣжьи слезки!

Ура! съ нами Богъ! Разумѣйте
языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!

Теперь прочти надпись на Цар-
скомъ креслѣ, въ Московскомъ Успен-
скомъ Соборѣ хранящемся: *«Ильѣй
«вѣру непостыдную, и исполняй запо-
«вѣди Божіа, побѣдитъ враги своя:»* —
Что же сказать послѣ этого? По-
моему, молча, онянь на колѣни, и
опять то же: Съ нами Богъ! разумѣй-
те языцы и покоряйтесь, яко съ на-
ми: Богъ!

П И С Ь М О XXIX.

Ты знаешь, старыя пословицы: за Богомъ молишва, а за Царемъ служба не пронадаетъ; а что стерпится, то емоится; шакъ со мною и сбылось. Чрезъ шри дня, какъ прибылъ въ Вильну бапюшка нашъ, Царь Государь, тотчасъ объявлено всемъ нижнимъ чинамъ, по доброй волѣ къ арміи прибывшимъ, что шѣмъ, кои пойдутъ за границу и останутся въ службѣ до конца всей войны, будетъ выдаваться по смерти жалованье въ-четверо, а кто пожелаетъ шѣмъ воротиться домой, получаетъ двойной обладъ, и сверхъ того шѣмъ и другимъ повелѣно выдать на дорогу каждому по 50 рублей въ награду. «Паспалъ золотой

вѣкъ,» говоритъ нашъ Генералъ: «освѣ-
пишь, согрѣешь, оживошворишь на-
ше красное солнышко, Александръ I,
весь подлунный міръ! Скоро загоряшь
и бусурманскія сердца чистѣйшею къ
Нему любовію, какъ горяшь и пламе-
нѣють наши, Русскія вѣрноподданныя!»
Многіе вышли впередъ и опозвались,
что готовы съ Отцемъ Царемъ хоть
на край бѣлаго свѣта! Зависть и въ
мою душу заглянула, но имячко моло-
дой жены, дорогой моей Хавронышки,
строго прокомандовало сердцу: «стой!»
я хващилъ кулакомъ по сердцу, отва-
лялъ на лѣво-кругомъ и получилъ паш-
портъ.

На всѣхъ большихъ и малыхъ па-
чальниковъ пролился обильная мило-
сти: Кутузовъ названъ Княземъ Смо-
ленскимъ и получилъ 1-го Егорья, пре-
широкую чрезъ плечо ленту, на какой

и у шебя есть и у меня виситъ серебряный крестъ, полученный въ Швеціи; нашему Генералу напялили красную и тоже черезъ плечо; во всей Арміи будутъ, виситъ, медали на голубой лентѣ съ надписью: *«Не нами, не нами, а ижеши твоему;»* не забудь и нашъ братъ, солдатъ: я за Красное еще произведенъ въ унтеръ-офицеры, а теперь удвоено жалованье и на прежній крестъ и за службу, — есть за что благодарить Бога и Великаго Государя. Прослужа прежде 25 лѣтъ, да теперь три мѣсяца, мнѣ только что 47-й годъ, а Русскому вѣдь это малъ; работашъ могу, сила есть, жена молодая, славная; дѣши будутъ, Царскихъ милостей хвашишь и на одежду и на брагу къ престольному празднику! Заживемъ, братъ Лазаричъ, какъ въ малиничкѣ! Чай, помини Ручкина? Онъ тоже хва-

тигъ на диковинку: — теперь уже Прапорщикъ, и вѣрно не осрамишь благороднаго званія, станешь у хорошихъ людей учиться, какъ въ свѣтъ жить, не запачкаешь офицерскаго мундира, а по привычкѣ, хоть душой и будешь жить съ солдатами, но тѣломъ станешь двигаться, какъ прилично, знаешь, болѣвну; вѣдь онъ теперь полный дворянинъ: не дерзнетъ солдатской свухи пить спаканами, не будетъ закусывать луковкой, не провожаетъ онъ него компанія въ квартеръ порядочнаго хозяина, не дастъ онъ собою дурнаго примѣра своимъ подчиненнымъ, не лизнетъ чужбинки, не допуститъ ни пушку, ни перышка къ рыльцу, и не станешь живнись пошвою и кровавою солдатскою конѣйкою; переймешь (недалеко ходишь) у Генерала, чѣмъ заставляетъ онъ честныхъ,

добрыхъ людей любить себя, какъ душу, и почему въ одно и то же время всѣмъ дурнымъ кажется громовою свирѣлою; будешь иппи путемъ чесши и правды. «Хорошій и справедливый начальникъ (говоришь Генераль) достояніе общее. Онъ не забываетъ прежняго родства, знакомства и дружбы, но не менѣе онъ иѣжный другъ и близкій родственникъ всякому тому, кто служишь честно и у кого добрая воля есть лучезарная звѣзда — пушь къ славѣ освѣщающая!» Короче сказать, нашъ Ручкинъ, хоть и доморощенный офицеръ, но съ помощію Бога пойдетъ въ дѣло, и ужъ коли угодно было судьбѣ приподнять его выше, такъ сподкнущъ его можно, но самъ онъ не проступится и не упадетъ, — шалшь; кривая, не шуда заѣхала!

Передай, братель, Лазаричъ, прилю-

женное при семъ письмо моеѣ хозяй-
кѣ, и скажи, что всѣ оставшіе, въ
Россію возвращающіеся, для замѣны
служащихъ назначены провожать плы-
ныхъ въ разные мѣста. Мнѣ досталось
идти въ Тамбовскую Губернію, но
конча сію послѣднюю службу, я вытѣ-
пущь передъ нею, и закричу изо всей
мочи: «Здравія желаю, другъ сердечный,
Хавронья Абросимовна!»

П И С Ь М О ХХХ.

Увѣдомляю тебя, сизая голубушка, свѣтлая моя звѣздочка, паливное мое яблочко, что я живъ, здоровъ и веселъ, а впредъ уповаю на Господа! — Теперь ни сердиться, ни плакать тебѣ не приходится; вся бѣда на святой Руси кончилась, заживемъ съ тобою припѣваячи. Лазаричъ пишетъ, что ты и не-вѣсть, какъ безкуражишься; не гнѣви Бога, ненаглядная; не ропщи и не жалуйся; у тебя хоть сердце иѣжное, но сердце Русское, разудалое; вѣдь не усидѣть бы и тебѣ въ дому, поджавъ ручки бѣлошвыя, если бѣ врагъ толкнулъ тебя въ живое, ни за что, ни про что, ни дай, ни вынеси; а военная душа за всѣхъ горитъ:

Русской солдатъ до гробовой доски, монеша Царская, ходячал. Но о чемъ же болѣе? Разлука наша кончилась; я на вѣки твой и люблю тебя, какъ душеньку; ты мнѣ краше цвѣту макова, милвицкій цвѣту розова, ты душистѣе садовой зари! И Кремлевъ твой, ошеслужа Царю, молодцомъ къ тебѣ представившся, вдвое лучше, чѣмъ доселѣ былъ, веселѣе и казистѣе! Жди, нагряну съ поцѣлуями, съ заливчавскими, съ... горлячими. Лишь любовь бы, да согласіе, а вдвоемъ — все легко выдумать!

КОНЕЦЪ ПЕРЕПИСКИ.

П Р И Б Л В Л Е Н І Е

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Къ 6-му Декабрю (1812 года), торжественному дню, празднуемому Св. Угоднику и Чудотворцу Николаю, на лицѣ Русской земли, побѣдная пѣснь замѣнила смертоносные, убійственныя гулы, близъ полугода въ огорченныхъ Русскихъ сердцахъ отражавшіеся! Отеческое вниманіе и щедрыя награды Государя Императора, вездѣ, всюду и на всѣ званія Богомъ спасеннаго народа пролившіяся, были непсчислны, а восхищеніе и радость побѣдителей равнялось съ тяжкимъ горемъ побѣжденныхъ, слѣдовательно и не описанны!

Не было подвѣга, который, коснувшись нѣжной отеческой Монаршей души, остался бы достойно и правд-

но неуплаченнымъ! Сему доказательствомъ не менѣе прочаго служатъ и наши герои, изъ коихъ Ручкинъ, какъ извѣстно, произведенъ въ офицеры; Свишурову, по смерти его, опредѣлена пенсія по сну двадцати рублей въ годъ, а родителю Сучкова, оиснавному уншерь-офицеру, который, по розыску, оказался присланнымъ въ Казначействъ, Высочайше повелѣно: выдать единовременно пять сотъ рублей. Кремневъ, явившій собою, въ числѣ прочихъ, рѣдкій примѣръ сыновней любви къ отечеству, кромѣ того, что, обезпеченный Высокомонаршею милостію въ житейскомъ быту и поднесъ еще блаженствуетъ, пользуясь явнымъ во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ пособіемъ всеобщаго покровителя, Господа Бога, опъ скупаетъ у помѣщиковъ по сосѣдству въ оброчное содержаніе излпш-

ною землю, обрабатываетъ оную наемными людьми, ведетъ значительный торгъ хлѣбомъ, и симъ, позволительнымъ всякому гражданину промысломъ, успѣлъ составить значный капиталъ. Ему подъ семьдесятъ уже лѣтъ, но онъ здоровъ, веселъ, и довольно еще имѣетъ силъ присматривать за хозяйствомъ: супруга его, Хавронья Абросимовна, и по сей часъ еще баба, что называется — король! Изъ трехъ сыновей, коими благословилъ Богъ сію счастливую чешу, два на военномъ уже поприщѣ, а послѣдній, младшій, во уваженіе къ службѣ почтеннаго война, по ходатайству мѣснаго Начальства, оставленъ старикамъ на пропитаніе, и, со временемъ, будетъ составлять подпору и утѣшеніе пивалца. Я люблю Кремнева, какъ роднаго брата; было нѣкогда, что однимъ Медикомъ

пользовались и однимъ фельдшеромъ, перевязывались раны наши, въ сраженіи на одномъ полѣ полученныя; видѣлъ въ 1812 году, и хвалилъ въ свою очередь, достойный уваженія подвигъ его, а какъ съ того времени пролежалъ 21 годъ, посему давно уже полагалъ я добраго друга въ покойной могилѣ. Но Провидѣніе дашъ жизнь вѣрныхъ сыновъ Церкви! Проѣзжая въ прошломъ году, по нѣкоторымъ надобностямъ, проселочною дорогою чрезъ село Богодвленское, при любопытномъ разговорѣ съ жителями, къ чему, признаюсь, имѣю врожденную склонность, узнать я, что въ томъ селѣ было двое жестоко-израненныхъ и на меня похожихъ солдатъ, изъ коихъ: безногій, *Раицевъ*, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ умеръ, а *Кремневъ* съ женою,

живушъ на краю села въ собственномъ домѣ.

Сердце мое забилося отъ удовольствія, и какъ, по дальнѣйшимъ распросамъ, не оставалось болѣе сомнѣнiя, немедленно приказалъ я проводить себя къ старому сослуживцу и товарищу, которымъ тотчасъ былъ узнавъ по недостатку членовъ (о чемъ Кремневъ увѣдомленъ былъ всеобщею молвою). Перо мое слабо выразить необыкновенную и сумасбродную, можно сказать, радость сороколѣтняго друга! Сто разъ бросался онъ обнимать меня; сто разъ принимался плакать, смѣяться, шворить молишвы и пѣть пѣсни; Абросимовна (съ именемъ моимъ, чрезъ сожителя вѣроятно давно уже знакомая), въ восхищенiяхъ неуступала мужу, и я, при столь непришворныхъ комплиментахъ, повинуюсь чув-

ствамъ души, залился также слезами, только ужъ истинно сладкими.

Время было ранняго обѣда; добрый Кременевъ, Христомъ и Богомъ упранивалъ меня, не побрезгивать хлѣбомъ-солью всѣмъ сердцемъ образованнаго хозяина, на что мнѣ пріятно было согласиться, тѣмъ болѣе, что въ коляскѣ моей дорожный запасъ былъ холодный, черствый, а свѣтлица Кремнева, переполненная благотворнымъ запахомъ сальнаго вещества, обѣщала славныя Велико-россійскія щи, къ которымъ въ послѣдствіи присоединилась превкусная съ помпрусами похлебка и жареный поросенокъ съ начинкою грѣчной кашей, короче сказать: сполъ, по чести, былъ царскій! Кременевъ, погъ подъ собой неслышацій, ободрился, вытянулся, помолодѣлъ, и прокомандовавъ жепъ (съ деликатнѣйшею нѣж-

поспѣю): поворачивайся, спарал хрычовка! выскочилъ въ клѣть, гдѣ, облекшись въ шонкій темнозеленаго сукна, галунами украшенный сюртукъ, явился съ полушпофомъ медовой анисовой водки, съ бушылкою домашней вишневки, и скатерница потчасъ развернулась! «Первое горе, съ тѣхъ поръ какъ въ опешавкѣ, узналъ я, лишаюсь сосѣда и пріятеля моего Ранцева, который на рукахъ моихъ скончался, и безъ котораго о старинѣ и службѣ здѣсь поговорить не съ кѣмъ; впрочемъ, я счастливъ и доволенъ всѣмъ по горло! Не знаю, какъ и благодарить Господа Бога за милость Его къ намъ грѣшнымъ», сказалъ Кремневъ: — «а для такого дорогаго гостя у меня все найдется! Да что жъ ты осовѣла, Хавроныюшка?» — «Ахъши, Даницычъ! какой ты рьяной; видно не знаешь, что у

меня отъ радости все еще прыснутъ руки,» отвѣчала Абросимовна.

Примѣня, что радушные хозяева имѣютъ намѣреніе угощать меня, какъ большаго барина, съ почестію, Земскому Засѣдашело приличною, я на опрѣзъ сказалъ, что буду пить и ѣсть, сколько имъ угодно, съ условіемъ, однако жъ, чтобъ добрая чаша обѣдала вмѣстѣ со мною, каковаго уваженія, кромѣ шести ранъ, полученныхъ старикомъ въ сраженіяхъ, и имѣющагося у него знака Военнаго ордена, я нахожу его достойнымъ и по одной уже оплечной службѣ, въ продолженіе коей мы разомъ подвизались въ горестную эпоху отечественной войны, разомъ плакали за скорбь матери нашей Россіи, и въ одно время прыгали отъ радости за успѣхи Бѣлаго Царя!—«Довольно! Чины въ сторо-

ну!» повелительно сказалъ я: «долой
 тридцать лѣтъ съ костей! сядемъ
 по ранжиру, какъ славные Русскіе
 солдаты-товарищи; какъ родственные
 друзья по молодецкому штыку и по
 смѣшавшейся на поляхъ чести крови
 нашей, какъ страдальцы, обѣими нога-
 ми въ гробу стоящіе, но какъ герои
 врагамъ все еще страшные, при пер-
 вой опасности любезному опеческву
 мечемъ препоясаться и по первому
 призывному слову бабюшки-Царя ка-
 менную грудь нашу къ стѣнѣ вѣрныхъ
 примкнущъ готовые.»

Едва я окончилъ приказъ мой, Крем-
 невъ кинулся мнѣ на шею, цѣловалъ
 во что попадо, и слезами запачкалъ
 мнѣ пострѣлъ все лицо, а къ довер-
 шенію благодарности, за честь, како-
 вой умѣлъ дать цѣну, онъ приказалъ
 безъ пощады лобызать меня и Ха-

вроньѣ Абросимовиѣ. Наконецъ, послѣ всѣхъ, (изъ непритворной радости родившихся продѣлокъ) перекрестясь, какъ водится, всѣ усѣлись за столомъ. Мы забыли настоящее, дышали прошедшимъ, слѣдовательно были молоды, веселы и довольны, какъ счастливые, по страсти женившіеся мужья въ первый день свадьбы, или какъ по расчешу сочешавшіеся супруги, при полученіи во владѣніе пучныхъ пажитей и банковыхъ билетовъ. Никто не мѣшалъ сердечнымъ изліяніямъ и взаимнымъ разговорамъ нашимъ о дѣлахъ славы; никто не огорчалъ насъ тяжкими вопросами о прожитыхъ нами на бѣломъ свѣтѣ лѣтахъ, и тяжелая и чугуунная тайна сердца всѣхъ стариковъ, покоясь въ полуразрушенныхъ оболочкахъ, кой-гдѣ ксшати и по слегка, вѣжно, скромно отшывалась,

что обоимъ намъ спукнуло ровнехонько сто двадцать пять лѣтъ; короче сказать: говоря о святой старинѣ, мы были молодцы въ точномъ смыслѣ слова, и Абросимовна не ходила, но летала съ блюдами, какъ Христова пчелка: тихо, шумно, чтобъ не прервать и не проронить словечка изъ штурмовой, громоносной рыцарской были. Въ продолженіе трапезы, предложены за здравіе кубки. Выпило было за здравіе славнаго, прямо Русскаго Императора Николая, за весь благословенный, драгоценный Домъ Его; за Наслѣдника Престола, юнаго Русскаго солнца, прекраснаго Александра, котораго Кремневъ, въ бытность въ Москвѣ, въ Ноябрь 1831 года, видѣлъ въ Соборѣ, когда съ Выщелоснымъ Родителемъ прикладывался онъ къ Святымъ Мощамъ. «Голубчикъ мой,» въ уми-

леніи сердца воскликнулъ Кремневъ :
 «Онъ и хорошъ-по — имянно по-Русски!»
 съ чѣмъ вмѣстѣ осушилъ чару до
 дна, присовокупя, сквозь слезы, что
 минуша сшоль прогашельная, святая
 и въ жизни его едва ли не лучшая,
 пойдешъ съ нимъ въ гробъ! Послѣ се-
 го не забыто было : здоровье побѣдо-
 носнаго Россійскаго воинства и ма-
 шушки Россіи!

«Да какъ же помянемъ покойнаго Благо-
 дѣшеля Опца-Государя Александра
 Павловича и Спасителя ошечесства,
 Кушужева?» спросилъ меня Кремневъ.
 Съ удивленіемъ взглянулъ я на почтен-
 наго солдата. По чести, выходка, сшоль
 благородная и благодарная, разитель-
 нымъ была мнѣ упрекомъ. Кремневъ
 зналъ, что я сдѣлалъ исполнискій
 шагъ: отъ патронной сумы къ шикшому
 золотомъ мундиру въ царствованію

Благословеннаго Александра, вѣдалъ, что Кушуровъ по часъ смерти былъ моимъ благодѣтелемъ, и безъ намѣренія конечно, но важный далъ мнѣ урокъ! «А ты какъ бы хошѣлъ выполнишь сей священный долгъ?» спросилъ я Кремнева, на котораго, признаюсь, припомня Русскую пословицу: *«кусокъ золота неопрятный сынъ земли: не улюешь и не утреешь, не заблеститъ и не узнаешь»*, сталъ я посматривать другими глазами. «По моему, встать», сказалъ онъ: «помолишься о душахъ незабвенныхъ и выпить за упокой, чѣмъ оканчивають и священные чины.» — «Но они подъ часъ и черезъ-чуръ!» примолвила Абримовна. Послѣ сего Кремневъ и жена его выскочили изъ-за стола и сдѣлавъ осьмь чистаго сердца поклоновъ по шридаши, рассказали мнѣ, что первый шагъ къ промыслу,

коимъ упрочили насшощее безбѣдное состояніе, сдѣлали они съ помощію Царской награды, полученной въ Вильнѣ. *Дорога милостыня во время скудости!* «Точь въ шочь и со мной было шо же,» сказалъ я: «но все шаки спасибо шому, кто кормитъ, а вдвое шому, кто хлѣбъ-соль полнитъ.» — «Какъ забышь Императора Александра!» возразилъ Кремневъ. — «Я ручаюсь, что и дѣши мои до гробовой доски не прешанушъ съ такимъ же усердіемъ молишся за него Богу.»

Не скрою слабости моей: виновашъ! люблю добрыхъ, честныхъ солдатъ не менѣе самого себя, будучи убѣжденъ, что ошъ души ихъ шекушъ выраженія чистыя, неподдѣльныя, и признашельность къ справедливому начальству желчью нерасшворенная. Посему, я ни въ чемъ не хошѣлъ ошказы-

вашъ Кремневу, но исполняя желанія его, препорядочно подгулялъ, хошя, по физическому устройству урода, подобный случай, дурною былъ посылкою.

Сядясь въ коляску, я хотѣлъ было сдѣлать Кремневу денежный подарокъ. «Не отправляйше ядомъ, Ваше Превосходительство, дня, въ жизни моей драгоценнаго!» сказалъ онъ. Понявъ, что у него на душѣ, я просился съ другомъ, и уѣхалъ съ удвоеннымъ почтеніемъ не только къ службѣ, но и къ правиламъ благороднаго Русскаго солдата.

К О Н Е Ц Ъ.

